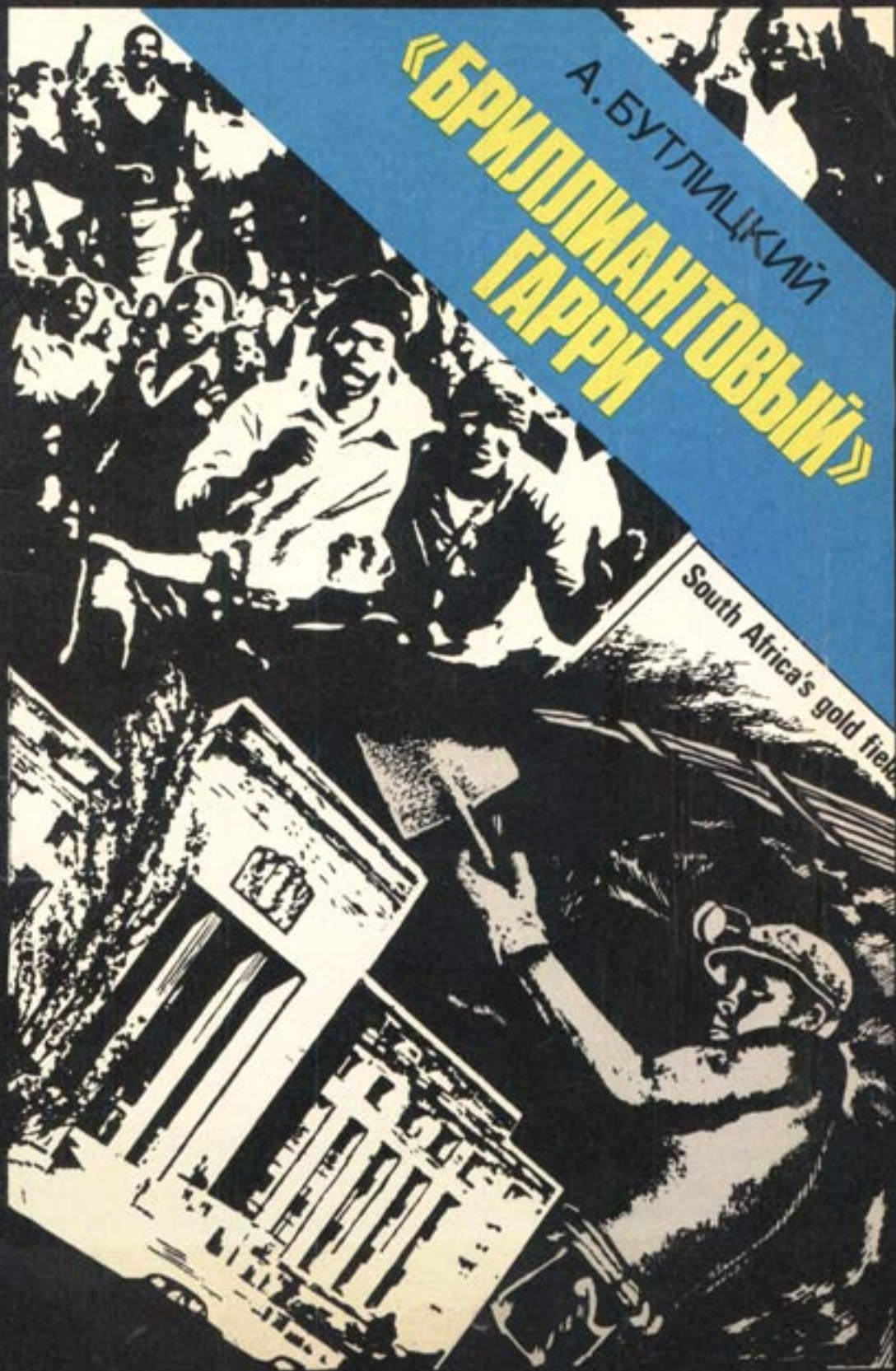

Владыки капиталистического мира

А. БУТЛИЦКИЙ
**«БРИЛЛИАНТОВЫЙ»
ГАРРИ**

South Africa's gold fields

Владыки
капиталистического
мира

«БРИЛ- ЛИАНТОВЫЙ» ГАРРИ

А. БУТЛИЦКИЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1978

Введение

Гиды, сопровождающие туристские группы по Йоганнесбургу, непременно включают в свой маршрут улицу Мейн-стрит в центральной части города. У тяжеловесного здания с колоннами и широкой мраморной лестницей, ведущей к главному входу, они останавливают экскурсионный автобус и сообщают, что здесь находится правление «Англо-Американ корпорейшн оф Саут Африка» и резиденция ее главы Гарри Фредерика Оппенгеймера, самого богатого человека в Южной Африке и одного из богатейших людей планеты.

Туристов приглашают сфотографироваться на фоне этого храма богатства, не забыв обратить их внимание на то, сколь внешне скромна обитель Оппенгеймера. В самом деле, как не удивиться добродетелями главы «Англо-Американ корпорейшн», который, к примеру, не распорядился отлить из чистого золота массивные колонны, высящиеся у входа. Некоторые гиды к случаю приводят слова, приписываемые Гарри Оппенгеймеру. Одному из посетителей, поинтересовавшемуся, какое впечатление производит на публику нарочитая простота его офиса, он якобы ответил: «А на кого, собственно, в этом мире мне нужно производить впечатление?»

Впрочем, внутреннее убранство штаб-квартиры ААК, как обычно для краткости называют этот концерн, отнюдь не свидетельствует о врожденной скромности ее владельца. Дорогая французская мебель, роскошные восточные ковры, антикварные статуэтки и полотна знаменитых мастеров. А некоторые детали интерьера кабинета председателя правления ААК как бы призваны напоминать всяк сюда входящему, что он удостоен аудиенции, если не у самого его святейшества Капитала, то, во всяком случае, у одного из главных его жрецов. Скажем, массивная сигаретница из платины. На ее крышке выгравирована карта Африки, а в местах, где имеются алмазные копи, принадлежające Оппенгеймеру, прозван-

ному «бриллиантовому» Гарри, вправлены драгоценные камни. На каждую разработку по одному бриллианту в несколько каратов. Золотые рудники придают дополнительный блеск этому «скромному» бюро на Мейн-стрит. В витрине на двух полках сверкает личный набор «Г. Ф. О.»: крупные самородки величиной с чайное блюдце. Каждое блюдце — один рудник, а всего их двенадцать.

Взирая на эти символы богатства, посетитель, допущенный в главную святилище дома № 44 по Мейн-стрит, волей-неволей настраивается на мысль о могуществе ААК и ее владельца. И впрямь даже среди «сливок» финансово-промышленной элиты не так уж много людей, которые могли бы похвастаться, что под их скипетром империя, охватывающая около 500 компаний и фирм, разбросанных по всем континентам. В ее границах сосредоточено более трети золотодобычи капиталистического мира, она контролирует значительную часть добычи алмазов и почти весь сбыт бриллиантов на мировых рынках, ее рудники обеспечивают почти 10 процентов всемирной добычи меди, а шахты выдают на-гора свыше 30 процентов каменного угля, добываемого в ЮАР. На империю ААК приходится более 10 процентов валового национального продукта ЮАР, одна треть всего южноафриканского экспорта.

Французская буржуазная газета «Орор» с благоговейной почитательностью пишет, что над империей Гарри Оппенгеймера никогда не заходит солнце. По словам газеты, именно к нему в большей степени, чем к какому-либо другому бизнесмену, применима эта несколько затасканная парафраза. Американский журнал «Форчун» числит его в десятке самых богатых людей мира, причем самым богатым за пределами Соединенных Штатов. Известные английские специалисты по проблемам Южной Африки Колин и Маргарет Лигэм в своей книге «Южная Африка: кризис для Запада» пишут, что если бы термин «международный финансист» не существовал, то его следовало бы изобрести, чтобы достаточно точно охарактеризовать Оппенгеймеров.

Даже собственный вес дельца некоторые западные журналисты измеряют не килограммами, как общепринято, а каратами. По их мнению, именно эта мера как нельзя лучше соответствует облику владельца ААК. «Бу-

дучи роста ниже среднего, — отмечал американский журнал «Ридерс дайджест», — он, как и многие мужчины его возраста, обеспеченные хорошим питанием, беспокоятся о своем весе, составляющем примерно 382 500 каратов». Впрочем, разве не сам «бриллиантовый» Гарри натолкнул журналистов на столь необычное сравнение? Как пишут его биографы, он не раз полусерьезно заявлял, что алмазы — его первая и последняя любовь.

Кстати, оппенгеймеровская рекламная фирма в Соединенных Штатах ведет наступление на потенциальных покупателей под завлекательным лозунгом «Алмазы — навсегда». Эти же слова, видимо разувверившись в иных формах постоянства, шепчет возлюбленному шикарная дама на фоне сверкающих кулонов и диадем — стереотип, который кочует по страницам иллюстрированных журналов всего западного мира, прославляя продукцию «бриллиантового» Гарри.

«Алмазы — это навсегда» — так назвал Ян Флемминг один из своих романов, в котором агент 007 Джеймс Бонд расправляется с синдикатом гангстеров, покусившихся на товар некоей алмазной монополии. Не нужно было быть большим специалистом, чтобы узнать в ней империю ААК, точнее, ее алмазную провинцию «Де Бирс». Свой сюжет Ян Флемминг писал с натуры, специально приехав для этого на несколько месяцев в Южную Африку. Материалов, собранных тогда в джунглях «Англо-Американ корпорейшн», хватило ему позднее и для другого авантюрного романа — «Алмазные контрабандисты». Их предводитель, прообразом которого послужил реальный персонаж, фигурирует в книге под кличкой «мистер Бриллиант».

Все это, если вдуматься, достаточно символично. Флемминг писал о тех, кто крал драгоценные камни у Оппенгеймеров. Но разве сами они не украли их у истинного хозяина богатств Южной Африки, народа этой страны?

Находка на ферме Фюрицихт

В семействе Оппенгеймеров часто вспоминают имя Сесилия Родса, которого В. И. Ленин охарактеризовал с лаконичной точностью: «...миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны...» Порт-

реты этого авантюриста, фанатичного апостола интересов британского империализма, организатора и апологета колониальных захватов (это в его «честь» целая страна была названа Родезией) можно увидеть и в кабинете главы ААК на Мейн-стрит, и в его фамильном особняке «Брентхарст». И это не случайно. Ведь именно Родс создал алмазную монополию «Де Бирс», которую через два с половиной десятка лет после его смерти прибрал к рукам отец «бриллиантового» Гарри Эрнст Оппенгеймер, осуществив тем самым, как впоследствии говорил его сын, «мечту всей своей жизни».

Отцу и сыну Оппенгеймерам импонировала железная деловая хватка британского колонизатора, его абсолютная беспринципность и неразборчивость в средствах. «Его конечные цели никогда не были корыстными и подлыми, хотя методы иногда могли выглядеть таковыми», — неуклюже оправдывает своего кумира Гарри Оппенгеймер. Но история доносила до наших дней достаточно свидетельств, рисующих истинный образ этого пирата наживы, который, прибыв в 1871 году в Южную Африку без гроша в кармане, через несколько лет превратился в могущественного дельца, воровавшего миллионами фунтов стерлингов и вертевшего судьбами миллионов людей.

А все началось с того знаменательного дня 1866 года, когда сын фермера-бура 15-летний Эразм Якоб, играя на берегу реки Вааль, нашел прозрачный камушек. Он показал его сначала торговцу О'Рейли, чье имя впоследствии вошло в хрестоматию, потому что тот посчитал находку обычным осколком цветного стекла.

Зато соседний фермер ван Никерк, увлекшийся геологией, заинтересовался камушком и попросил продать его. Но для семьи Якоб он не имел никакой ценности, и они просто отдали его соседу. А несколько месяцев спустя эксперт в городе Грэмстауне определил, что налицо алмаз весом 21,75 карата (1 карат равен 200 миллиграммам) и оценил его в 500 фунтов стерлингов — деньги огромные по тем временам.

Два года спустя ван Никерку вновь было суждено оказаться в центре внимания. За 500 овец, 10 быков и лошадь он выменял камень, намного превосходивший размерами тот, что ему достался первым. В том же Грэмстауне он с лихвой компенсировал расход, получив за

новую блестящую безделушку несколько тысяч фунтов стерлингов. Но через полгода ван Никерк узнал, что его изрядно надули, потому что чудо-алмаз, названный «Звездой Южной Африки», буквально потряс весь Лондон — знатоки говорили, что он «не имеет цены».

Именно «Звезда Южной Африки», прославленная на страницах газет и журналов, дала импульс к началу «алмазной лихорадки». Толпы старателей двинулись в 1868 году к реке Вааль. Среди этих искателей алмазного счастья были разорившиеся фермеры и матросы-дезертиры. Растратчики, карманники и шулеры оказывались порой в одном обозе с деревенскими священниками, которые бросили на произвол судьбы свои приходы и кающихся грешников. К концу 1869 года здесь раскинули палатки 10 тысяч человек. Как стая голодных стервятников бросается на падаль, они набросились на обветренные тихие берега реки. Но фортуна обернулась к ним стороной более жесткой, чем алмаз. То, что когда-то, играючи, нашел 15-летний мальчик, им найти не удавалось. На более слабые, обескураженные и вконец обнищавшие повернули назад.

Особенно интенсивно поиски велись на участке фермы Фюрицзихт, ранее приобретенной братьями Де Бирс за 50 фунтов стерлингов. Устав от соседства беспоконных старателей, малосведущие в мирских делах братья продали участок и ферму искателям алмазов за 6 тысяч фунтов стерлингов и, очень довольные сделкой, двинулись со своими стадами подальше от сатанинской кутерьмы, охватившей округу. Оставили они ферме лишь свое имя и... алмазы, которые здесь вскоре обнаружили в несметном количестве.

Да, в мае 1871 года огромный «сейф» природы был наконец взломан. История не сохранила имени старателя, который первым проник под пустую «желтую породу» к лежащему ниже «блю-граунду» — «голубой породе». Там-то он и увидел, как среди россыпей серо-голубой земли под его ногами что-то заблестело и засверкало.

Осенью 1871 года в палаточных городках вокруг рудника «Де Бирс» обитало уже 50 тысяч человек. Условия жизни были ужасающими. За курное яйцо платили 5 долларов золотом, за овцу — небольшое состояние. Но

новые искатели счастья продолжали прибывать со всего света. Палатки постепенно заменялись деревянными бараками. Так рождался город алмазов Кимберли.

Его главной достопримечательностью стала Большая Яма. Первоначально это была просто яма, которую копали на ферме Фюрцихт в поисках алмазов. С каждым днем, неделей, месяцем ее размеры сказочно росли. В конечном итоге диаметр ямы, действительно ставшей гигантской, составил 800, а глубина — 400 метров. Всего из нее лопатами и ведрами извлекли 25 миллионов фунтов земли. Но нигде не видно насыпи. Отсыкивая алмазы, старатели так усердно растрекали породу руками, что гулявший по окрестной степи ветер и дожди без труда уносили землю, размельченную в пыль. Все 25 миллионов тонн!

За четыре десятка лет разработок из Большой Ямы извлекли драгоценных камней на 50 миллионов фунтов стерлингов. Но яма хранит молчание о том, сколько здесь погубило надежд, сколько погребено жизнью, скольких слез стоили алмазы, переливающиеся всеми цветами радуги. Город алмазов и слез — так можно назвать Кимберли с его Большой Ямой.

Старатели-одиночки просуществовали в Кимберли недолго. Постепенно их подминали оборотистые дельцы. Но всех их затмил и подавил Сесиль Родс. К моменту, когда он прибыл в Кимберли, все лучшие участки в Большой Яме были расхвачены. Однако Родса не интересовали отдельные участки: он хотел забрать все. И это ему удалось. Ничем не брезговавший Родс так обманывал, мошенничал и спекулировал, что его соперники, привыкшие манипулировать лишь краплеными картами, только изумлялись. К середине 80-х годов он настолько преуспел, что в Кимберли его стараниями осталось только две алмазных компании: родсовская «Де Бирс» и «Кимберли сентрал компани», основанная Барней Барнато. Чтобы устранить последнего конкурента, Родс выложил рекордную сумму — 5 миллионов фунтов стерлингов. Отныне «Де Бирс консолдейтед майнз» стала монопольным обладателем сокровищ Большой Ямы.

В течение оставшихся пятнадцати лет, отмеренных ему судьбой, Сесиль Родс успел с максимальной пользой употребить нажитый капитал. Он основал крупнейшую золотодобывающую компанию «Консолдейтед голд

филдс», на долю которой и сегодня приходится пятая часть добычи золота в ЮАР. Чуть позднее им была создана «Бритиш Саут Африка компани» (БСАК), кратко именовавшаяся «Чартерд» («Привилегированная»). То была действительно привилегированная компания, пожалуй, не имеющая аналогов в истории, если не считать знаменитой Ост-Индской компании. На основании хартии королевы Викторнии БСАК получила широкие полномочия, в том числе юрисдикцию и любого рода власть по управлению и поддержанию общественного порядка на территории Северной и Южной Родезии, части районов Ньясаленда и Бечуаналенда.

Настоящая колониальная империя, управляемая «Чартерд», простиралась на огромных пространствах, превышающих по площади всю Западную Европу. Вспоминается обо всем этом неспроста. Ведь, как и «Де Бирс», «Чартерд» ныне входит в состав опенгеймеровского финансово-промышленного царства. Так что у главы ААК очень веские основания денно и нощно воскурять фимиам Сесилью Родсу.

Рождение корпорации

Случилось так, что именно в 1902 году, в год смерти Родса, 22-летний Эрнст Оппенгеймер, которому суждено было стать основателем алмазно-золотой империи ААК, оказался в благословенном «городе удачи» Кимберли. Он прибыл туда в качестве представителя лондонской торговой фирмы, занимавшейся сбытом южноафриканских алмазов. А в Лондон юный честолюбец попал 17-летним юношей, после того как твердо решил, что родной Франкфурт-на-Майне — слишком ограниченное поле деятельности, не соответствующее его, как позднее выяснилось, поистине неугасимым аппетитам.

Уже тогда Эрнст Оппенгеймер проявил несвойственную его возрасту цепкость и практичность, недюжинный деловой нюх и удивительную способность не задумываться над праведностью путей, ведущих к цели. В этом смысле начинающему бизнесмену очень импонировала persona Родса, хотя сам стареющий колониальный волк и слыхом не слыхивал об Оппенгеймере и уж никак не мог бы предположить, что через четверть века безвестный

клерк приберет к рукам его любимое детище — алмазную монополию «Де Бирс».

Между тем молодой Опенгеймер не терял времени даром. Он скрупулезно изучает алмазное дело, посещает копи, совершает поездки в Родезию и Бечуаналенд, как бы присматривая объекты для будущей экспансии его еще не существующих компаний. Именно в ту пору южноафриканские изыскатели наталкиваются на новые месторождения алмазов. По настоятельному совету своего представителя в Южной Африке фирма приобретает некоторое число акций алмазных копей. Сделка оказывается удачной, авторитет Опенгеймера в глазах руководителей фирмы растет, а заодно растет и его роль в управлении ее делами, доля участия в бизнесе. Подающего надежды дельца, который, по его собственным словам, твердо решил связать свою жизнь с Южной Африкой, избирают мэром Кимберли.

Первая мировая война вносит коррективы в этот пламенный путь наверх. Алмазные копи закрываются, на рынке драгоценностей наступает временный застой. К тому же в Южной Африке усиливаются антигерманские настроения. После потопления немецкой подводной лодки лайнера «Лузитания», на котором погибло много женщин и детей, в адрес Опенгеймера, выходца из Германии, стали поступать письма с угрозами, вплоть до обещания сечь его дом.

Эрнст Опенгеймер вынужден отказаться от поста мэра. Он продает дом и в 1915 году перевозит семью, в том числе 7-летнего сына Гарри, в Лондон, где тот остается до конца войны. Сам же решает больше не возвращаться в Кимберли, а приложить свою энергию и имеющийся небольшой капитал в сравнительно новой для него сфере — золотодобывающей промышленности. С этой целью он обосновывается в Иоганнесбурге.

Спустя десятилетия, когда в мире, где царствует капитал, несметное состояние автоматически причислило Эрнста Опенгеймера к «лику святых», придворные олописцы мультимиллионера стали выискивать особый смысл в различных вехах его биографии. Некую символику увидели в том, что он первоначально обосновался именно в Кимберли, да еще в год смерти Родса. А потом преподнесли его вынужденный исход оттуда как

счастливый дар судьбы — мол, в противном случае он не облагодетельствовал бы своим притворством Иоганнесбург и золотые прииски Ранда и все экономическое развитие Южной Африки пошло бы каким-то совершенно другим путем.

Истина же в том, что делец с присущим ему нюхом учуял, что надвигается очередной золотой бум. Очередной, ибо «золотая лихорадка» уже трясла в 80-х годах прошлого столетия район Центрального Ранда. Образно говоря, в ее пучине родился город-гигант Иоганнесбург, со сказочной быстротой выросший из поселка, заложенного первыми золотоискателями.

Стати, несмотря на то, что южноафриканские золотосносные пласты тянутся почти на 500 километров и считаются самым крупным из когда-либо открытых месторождений золота, добыча драгоценного металла затруднена и требует огромных капиталовложений. Дело в том, что золотосносная жила почти на всех участках Ранда очень узка — как правило, не шире 6—8 сантиметров, а порой ее толщина не превышает 2,5 сантиметра. Концентрация золота обычно невелика: чтобы получить унцию, приходится переработать 2,5—3, а порой и 5 тонн руды. К тому же глубина залегания очень большая — до трех километров.

За три десятка лет эксплуатации рудники Центрального Ранда были изрядно истощены, но некоторые геологи давно утверждали, что «риф» (золотосносная жила) не ограничивается Центральным Рандом. Американский горный инженер Уильям Хоннолд, проводивший изыскательские работы, сумел уверить Опенгеймера, что большие потенциальные возможности таятся в недрах Восточного Ранда. Опенгеймер, уже тогда вынашавший замысел создания крупного горнопромышленного концерна в Южной Африке, встал перед необходимостью собрать необходимые средства. Помог тот же У. Хоннолд, имевший связи во влиятельных финансово-монополистических кругах Соединенных Штатов. 25 сентября 1917 года было официально объявлено об учреждении южноафриканской компании «Англо-Американ корпорейшн оф Саут Африка» с первоначальным акционерным капиталом в 1 миллион фунтов стерлингов, одна половина которого была собрана в США, а другая — в Англии и Южной Африке.

Золотоносный пояс рудников Ранда

Золотоносные земли Восточного Ранда оказались чрезвычайно перспективными. Вскоре ААК приступила к разработке месторождений в Западном Ранде, в недрах которого, как выяснилось впоследствии, содержались еще большие запасы золота. Масштабы деятельности новой корпорации росли такими темпами, что удивляли даже выдавших виды бизнесменов. В первом балансовом отчете ААК, составленном 31 декабря 1917 года, в графе «прибыль» фигурировала архискромная цифра: 11 фунтов 13 шиллингов 8 пенсов. Десять лет спустя в бухгалтерских книгах ААК зафиксирована прибыль в 2 миллиона рэндов, ее объявленный капитал составлял почти 7,5 миллиона рэндов. К этому времени группа состояла из двух финансовых компаний, ряда золотых рудников, быстрорастущей алмазной компании «Консолидейтед даймонд майнз оф Саут-Вест Африка». В Северной Родезии она начала претворять в жизнь несколько многообещающих проектов по добыче меди.

Все эти успехи доставляли в ходе острейшей конкурентной борьбы. Сесиль Роде позавидовал бы Оппенгеймеру, доведись ему увидеть, с какой ловкостью тот обхо-

дил своих соперников, присоединял к своей зарождающейся империи наиболее перспективные золотоносные участки Ранда. Не забывал он и о первоначальной своей привязанности — алмазам. До сего дня остается тайной, чем сумел соблазнить главу ААК руководителей южноафриканского правительства, вдруг предложивших ему приобрести алмазные прииски в Юго-Западной Африке, которая до первой мировой войны была колонией Германии. Переговоры велись в условиях строжайшей секретности, ибо, как признавал много лет спустя Гарри Оппенгеймер, взшедший на трон империи «Англо-Американ корпорейшн» после смерти отца, преждевременное разглашение готовящейся сделки могло вызвать настоящий скандал. В Южной Африке в то время нашлось бы достаточно влиятельных претендентов — и не в последнюю очередь среди них компания «Де Бирс» — на право владения алмазными россыпями ЮЗА.

В роли могущественного лоббиста ААК в этом деле выступил бывший министр финансов правительства Южно-Африканского Союза Х. Хэлл. В юбилейном номере журнала «Оптимизм», посвященном 50-летию «Англо-Американ корпорейшн», тепло вспоминаются «заслуги» Х. Хэлла перед корпорацией и перед... Южной Африкой. Семейное издание ААК не оговорилося, ставя знак равенства между этими двумя понятиями. Набрав силу, Эрнст Оппенгеймер, как свидетельствует та же «Оптимизм», любил говаривать: «То, что хорошо для «Англо-Американ», хорошо и для Южной Африки».

Послушать главу ААК, то он только и руководство велось интересами страны, поведя решительное наступление на другие алмазодобывающие компании. Ареной развернувшихся сражений стала биржа. Агенты Оппенгеймера постепенно скупили акции других фирм. В 1926 году выяснилось, что ААК располагает солидным пакетом акций «Де Бирс». Ее прежним владельцем пришлось потесниться и уступить один из директорских постов Эрнсту Оппенгеймеру. Тогдашний председатель правления компании пытался было воспротивиться этому вторжению, но потерпел поражение и вынужден был выйти в отставку. А еще через пару лет глава ААК настолько приумножил собственную долю в делах «Де Бирс», что ему не составило большого труда привести свой статус в соответствие с фактическим положением вещей: в 1929 году он

становится председателем правления «Де Бирс». Отныне золото «Англо-Американ корпорейшн» и алмазы «Де Бирс» объединяются под эгидой Опенгеймера.

Разразившийся вслед за этим мировой экономический кризис не обошел стороной и владения новоявленного наследника Сесилия Родса: спрос на ювелирные и промышленные алмазы резко упал. Чтобы как-то ослабить воздействие ухудшившейся конъюнктуры, руководство ААК решило прекратить поставки алмазов на рынок. Но для этого необходимо было сосредоточить сбыт камней в одних руках, иначе говоря, установить контроль над действовавшим много лет в Лондоне «алмазным синдикатом». Опенгеймер так и делает, реорганизуя его в новую компанию «Дайамонд корпорейшн», поставленную под полный контроль «Де Бирс». Она скупает алмазы у всех производящих компаний капиталистического мира, но не выбрасывает их на рынок в ожидании «лучших времен».

В середине 30-х годов, когда Запад начинает оправляться от последствий «великой депрессии», наступает «звездный», а точнее «золотой час» Опенгеймера. Выбрасывая алмазы на рынок небольшими порциями, он искусственно поддерживает спрос на них, монополично диктует цены. И вообще удача сопутствует главе ААК. Курс акций золотодобывающих компаний Опенгеймера растет. Как страшный сон, вспоминает теперь Опенгеймер времена кризиса, когда ему, по его словам, пришлось закладывать свое имя, чтобы заполучить вдруг срочно потребовавшийся свободный капитал.

Правда, биографы мультимиллионера, знающие его склонность сгущать краски и кокетничать по поводу своих действительных и мнимых трудностей, скептически относятся к этим «мрачным» воспоминаниям. Верно, что в годы кризиса какой-то период алмазные «провинции» его империи не приносили дохода. Но в те годы неплохо шли дела на золотых приисках, росли прибыли от рудников «медного пояса» Северной Родезии, которую ААК начала осваивать в середине двадцатых годов. Под контроль «Родезиен Англо-Американ» («Роангло») переходят медодобывающие и мелеплавильные компании, занятые добычей и рафинированием «красного металла». Рассматривая в те времена принесенный ему на подпись годовой отчет о деятельности ААК, Эрнст Опенгеймер приходит

в восторг от успехов своих родезийских филиалов. «Само проведение указало Родсу путь в эти земли — уже за одно то, что он открыл Родезию для цивилизации, ему можно простить многие прегрешения, кстати, весьма типичные для той поры», — восклицает делец.

«Наследный принц» на троне

Случилось так, что именно во времена «великой депрессии» глава «Англо-Американ корпорейшн» Гарри Фредерик Опенгеймер начал делать свои первые шаги на стезе бизнеса. Позади остались годы пребывания в одном из колледжей аристократического Оксфорда, где «наследный принц» изучал политику, философию, экономику и был удостоен степени бакалавра гуманитарных наук. С той поры за ним укрепилась репутация знатока поэзии, музыки и прочих изящных искусств. Но одноклассникам по Оксфорду запомнилось почему-то его другое увлечение — лошади и скачки. И сегодня свой досуг он проводит не в концертных залах и не за поэтическими сборниками, а в собственных конюшнях, где выращиваются скаковые лошади. Благо, что это хобби миллиардера приносит неплохой доход в семейный бюджет. Выгрыши на скачках иногда измеряются внушительными суммами, еще более выгодная статья — продажа на аукционах именитых рысаков.

Старшему Опенгеймеру, который «оксфордлов» не кончал, в годы кризиса некогда было отвлекаться на столь аристократические и, с его точки зрения, бесполезные для алмазно-золотого дела занятия, как разведение лошадей. Юному Гарри тоже пришлось на время забыть о светских развлечениях и окунуться в дебри сложных бухгалтерских расчетов в конторах многочисленных отцовских фирм. Прозу жизни «ценитель поэзии» познавал на примере разбойничьих акций «Англо-Американ корпорейшн», которая, подобно спуту, протгивала хищные щупальца во все новые районы Африканского континента.

В свое время, когда Гарри Опенгеймер достиг совершеннолетия, он получил от родителя в подарок не часы, не скаковую лошадь и даже не автомобиль, а 10 тысяч акций «Англо-Американ». Теперь глава ААК давал сыну уроки обращения с ними, он лично натаскивал его,

посвящая во все фирменные секреты умножения капитала, каковых знал предостаточно. Попутно внушал ему принципы, которыми, по его мнению, должен руководствоваться любой бизнесмен, рассчитывающий на серьезный успех. Трезвый анализ обстановки, быстрота и решительность в действиях, умение абстрагироваться от «эмоциональных факторов» — так формулировались Эрнстом Оппенгеймером слагаемые успеха. А еще рекомендовал своему отпрыску развивать в себе интуицию, способность в критические моменты принимать молниеносные решения. «Если умный думает слишком долго, — поучал он, — дурак успеет додуматься до того же самого».

Ветераны «Англо-Американ корпорейшн», которым довелось работать с обоими Оппенгеймерами, не расходятся в оценках, вспоминая, что «наследный принц» довольно быстро овладевал искусством бизнеса. Отец и сын с каким-то неистовством продолжали спекуляции на бирже, вели изыскательские работы в поисках новых месторождений. Биографы называют их гениями по части добыwania колоссальных средств, которые были необходимы для осуществления бесчисленных проектов по расширению масштабов империи ААК.

Вторая мировая война почти не нарушила привычный ритм работы огромной машины ААК. Инцидентов, подобных тем, что заставили Эрнста Оппенгеймера четверть века назад покинуть Кимберли, больше не повторялось. Слишком велики были богатство и могущество оппенгеймеровской империи, чтобы кто-то мог позволить себе напомнить отцу и сыну, обещание с которыми почтительно за честь министры и премьер-министры доминиона Южно-Африканский Союз, об их немецком происхождении.

Тем не менее, демонстрируя «патриотические» чувства, старший Оппенгеймер отдал часть своего поместья под госпиталь, а его «наследный принц» отправился в армию, чтобы утвердить фамильную репутацию на поле брани. В летописи танкового полка не сохранилось упоминаний о ратных подвигах будущего «бриллиантового» Гарри. Его сослуживцы тех лет рассказывают, что полным лишений и опасностей боевым будням в песках Северной Африки, где разворачивались сражения, он предпочитал тыловые хлопоты в Каире. И, по собственному признанию, в те годы он хорошо освоил... игру в поло: вряд ли таким же «успехом» могли похвалиться многие

офицеры союзных войск, которым пришлось участвовать в нелегких кампаниях в Северной Африке.

Впрочем, не желая испытать судьбу — на войне ведь всякое случается, — Эрнст Оппенгеймер поторопился вернуть сына поближе к дому. Тем более что обеспечение безопасности «наследного принца» становилось проблемой государственной важности. Премьер-министр Южно-Африканского Союза Я. Х. Смэтс лично уговещивал главу ААК, чтобы тот поскорее убедил своего отпрыска не затягивать пребывание в действующей армии. «Премьер-министра очень волновало, что любая неприятность с Гарри может пагубно отразиться на Эрнсте Оппенгеймере и на судьбе всего его предприятия», — пишет биограф семейства А. Хокингс.

А тут как раз подвернулся удобный случай, позволяющий «бриллиантовому» Гарри, как говорится, не теряя лица, отправиться в самый что ни на есть глубокий тыл. Командира 2-й бронетанковой дивизии генерала де Вилльерса, в которой служил Оппенгеймер-младший, переводили в Кейптаун. В свой новый штаб он из всей дивизии прихватил лишь одного офицера. Нетрудно догадаться, что им был наш герой. С июня 1942 года о войне ему напоминали лишь сводки с театра военных действий, да еще мундир, в котором он не без удовольствия красовался на приемах. Когда война окончилась и де Вилльерс вышел в отставку, Оппенгеймеры не забыли оказанной услуги: генерала сделали членом правления алмазной монополии «Де Бирс».

После 1945 года Оппенгеймеры с удвоенной энергией ринулись в бой за расширение своих владений. В числе памятных дат в летописях «Англо-Американ корпорейшн» особо чтится 16 апреля 1946 года — день, когда на участке в 5 милях от Оденсаала бурильщики проникли в основную жилу. Через несколько часов информационные агентства пронесли по всему миру сообщение о том, что в Южной Африке открыто новое Эльдorado. Работы велись по совместной заявке двух компаний, акции которых сразу же резко подскочили вверх.

Спекулятивный ажиотаж, тщательно направляемый чьей-то умелой рукой, превратился в настоящую «золотую лихорадку». Люди скупили акции, пренебрегая, как писали позднее экономические обозреватели, одной из основных заповедей горнорудного дела: нужны годы и

многомиллионные капиталовложения, прежде чем новые разработки дадут выход продукции и принесут прибыль. А пока что выяснилось: за обеими компаниями, добравшимися до золотой жилы, скрываются капиталы ААК. Через несколько лет золотые прииски Оранжевого Свободного государства стали одной из самых доходных отраслей оппенгеймеровской империи.

Убедившись, что освоение нового золотопромышленного района поставлено на прочную основу, глава «Англо-Американ корпорейшн» решил, что пришла пора приставить сына к большой политике. На парламентской арене в то время подвизались две основные буржуазные партии: Объединенная и Националистическая, несколько расхоdivшиеся в оценке методов сохранения «бааскапа» — господства белого человека в Южной Африке. Поскольку сам Эрнст Оппенгеймер проходил парламентскую «школу» в рядах Объединенной партии, то и «наследному принцу» был уготован тот же путь. Тем более что Объединенная партия была правящей. В 1948 году его избрали в палату собраний (нижняя палата южноафриканского парламента) от округа Кимберли, который слывет семейной вотчиной Оппенгеймеров. Правда, случилось так, что именно на выборах 1948 года к власти пришла оппозиционная Националистическая партия, избравшая в качестве предвыборного лозунга призыв к введению системы апартеида, — тогда никто еще в стране толком не знал, что скрывается за этим новым термином.

Едва ли не самое примечательное в парламентской деятельности обоих Оппенгеймеров — это то, что оба они числились, или, точнее, числили себя, в «либералах». Основатель ААК, заседавший в парламенте на протяжении 15 предвоенных лет, даже получил специальное разрешение от лидера Объединенной партии Я. Х. Смэтса выступать в облике «либерала», что, как подчеркивал позднее Гарри Оппенгеймер, совершенно не соответствовало официальной линии партии. Но разве можно отказать в подобной невинной прихоти человеку, чьи средства столь обильно пополняли партийную кассу.

Впрочем, как замечает Оппенгеймер-младший, взгляды его папаша совсем не согласовывались с тем, что большинство людей понимает под либерализмом. Оппенгеймер-отец, по его словам, был сторонником расовой се-

грегации, он пришел бы в ужас от одной только мысли о возможности прихода к власти африканского большинства. Его «либерализм» сводился к убеждению, что на белого человека «возложен долг управлять африканцами мудро, справедливо, гуманно».

Большим «либералом» слывет и «бриллиантовый» Гарри. Время от времени он даже позволяет себе критиковать «крайности» апартеида. Нынешний глава ААК считает методы угнетения африканцев, практикуемые националистическим правительством, «арханчными». Нет, он и не помышляет о предоставлении равенства африканцам. Но, как человек более дальновидный, чем оголтелые фанатики-расисты, заправляющие в министерских канцеляриях Претории, он постепенно пришел к выводу, что путь террора и репрессий, которым следует правительство националистов, только ускорит неминуемый крах расистского южноафриканского государства.

Правда, подобные трезвые мысли стали появляться у дельца значительно позднее, когда ветры перемен уже властно стучались в двери страны апартеида. А тогда, в конце 40 — начале и середине 50-х годов, стареющий «наследный принц» исправно участвовал в заседаниях парламента. В его присутствии штемпелевались бесчисленные ограничительные законы, подводившие юридическую базу под человеконенавистническую систему апартеида, а сам Гарри, восседавший на скамьях оппозиции, время от времени демонстрировал свой «либерализм», воздерживаясь при голосовании. Но ни тогда, ни потом он ни разу не воздержался от того, чтобы зачислить на счета своих бесчисленных компаний и фирм жирные прибыли, выжатые благодаря апартеиду из пота и крови миллионов африканцев.

В 1957 году смерть Эрнста Оппенгеймера оборвала десятилетнюю парламентскую карьеру «бриллиантового» Гарри. 50-летнему Гарри, засидевшемуся в «наследных принципах» и наконец взшедшему на трон империи ААК, было отныне недосуг заниматься парламентскими словопрениями. Но добровольный уход из палаты собраний отнюдь не означал его ухода от политики. Да и о каком уходе может идти речь в отношении человека, чей гигантский бизнес органически врос в экономику Южно-Африканской Республики. Напротив, по мере того как со сказочной быстротой расширялись невидимые границы

империи ААК, росли вес и влияние нового главы корпорации, его роль при определении курса внутренней и внешней политики страны. И этому нисколько не мешала формальная принадлежность Гарри Опленгеймера к оппозиции.

Глобальный бизнес

...Глава корпорации собирался в дальний вояж на берега Темзы. По этому случаю на Мейн-стрит, 44, царил суматоха. По этажам сновали озабоченные клерки, лифты работали с полной нагрузкой, чинные привратники едва успевали открывать и захлопывать массивные входные двери, впуская и выпуская тех, кто устремлялся в дом напротив либо прибегал оттуда. Дело в том, что резиденция на Мейн-стрит, 44, давно уже стала тесна для разбухшего аппарата гигантской корпорации, а посему на другой стороне улицы воздвигли точно такое же здание.

В те мартовские дни 1965 года на обеих сторонах Мейн-стрит действительно готовились к крупному сражению. Решалась судьба знаменитой родсовской «Бритиш Саут Африка компани» («Чартерд»). Могущество этого колониального колосса, паразитировавшего на теле «черного континента», в значительной степени подорвал бурный процесс деколонизации Африки в начале 60-х годов. Этим и решил воспользоваться «бриллиантовый» Гарри, чтобы урвать еще один жирный кусок из наследства Сесилия Родса. Интересы ААК и «Чартерд» переплетались довольно тесно и прежде. Ряд директоров ААК входил в правление БСАК, и наоборот. Широко практиковалось взаимное владение акциями. Но даже самые большие знатоки положения дел в мире большого бизнеса не заметили, как свершился качественный скачок...

...От Мейн-стрит кавалькада «роллс-ройсов» проследовала через центр Иоганнесбурга к магистралу, ведущей в аэропорт Яна Сметса. Устало развалившись на заднем сиденье, глава ААК вновь и вновь перебирал в памяти последние сводки, поступившие в офис. Контрольным пакетом акций располагали его корпорации. Все говорило о том, что давнишнее желание Гарри стать хозяином БСАК, как никогда, близко к свершению. Теперь

всему миру предстояло узнать, что обе корпорации были составной частью его, оппенгеймеровской, империи.

К моменту, когда воздушный лайнер совершил посадку в лондонском аэропорту Хитроу, «бриллиантовый» Гарри уже имел перед собой текст заявления, вызвавшего тайфун на бирже. БСАК сливалась с обеими оппенгеймеровскими корпорациями. Новая мощная компания со штаб-квартирой в Лондоне и активами почти в 500 миллионов долларов стала называться «Чартерд консолдейтед». Следуя семейной традиции, наш герой сам стал ее президентом.

Поглощенный акул не столь крупных, как БСАК, в истории «Англо-Америкен» не счесть. Но время от времени «бриллиантовый» Гарри вновь и вновь поражает деловой мир, умудряясь выудить в мутных водах капиталистической конкуренции очередную внушительную рыбку. В 1974 году фурур вызвало известие о слиянии одной из фирм, входящей в группу «Англо-Америкен», с концерном Шлессинджера. Никого не ввели в заблуждение уверения в том, что в заключенном браке за обоими партнерами сохраняется индивидуальная «свобода действий». В действительности это наиболее сенсационное слияние финансового капитала в истории ЮАР вовлекло в оппенгеймеровскую империю крупнейшую инвестиционную компанию с капиталом примерно в 1 миллиард долларов, обеспечило ААК контроль над влиятельной страховой фирмой «Африкен игл лайф иншуренс».

Итак, начиналось когда-то с алмазов и золота, теперь — страховое дело. А вообще империя «Англо-Америкен корпорейшн» поистине всеядна. Во введении к отчету о деятельности ААК за 1975 год говорится, что эта корпорация возглавляет международную группу горнорудных, промышленных и инвестиционных компаний. В горнорудной промышленности ААК занята добычей и производством золота, алмазов, меди, урана, никеля, каменного угля, платины, железной руды, цинка, олова, асбеста, поташа.

В обрабатывающей промышленности ее интересы охватывают выплавку стали и тяжелое машиностроение, производство мотоциклов, бумаги, текстиля, буровых инструментов, огнеупорных строительных материалов и пищевых продуктов. Она подвизается в гражданском строительстве и страховом деле, в химической промышленно-

сти. И не просто подвизается. В любой отрасли владелец ААК хочет быть «королем», как это имеет место в сфере добычи золота, алмазов, меди.

В химической промышленности ЮАР уже много лет доминирует гигантский концерн «Африкен эксплозивз энд кемикл индастриз» (президент Гарри Оппенгеймер), совладельцами которого являются «Англо-Американ корпорейшн» и английский химический гигант Ай-Си-Ай. ААК, Ай-Си-Ай и южноафриканская государственная компания «Корпорация промышленного развития» монополизировали производство химических волокон. ААК контролирует самую большую сеть газет в Южной Африке.

По оценке 1975 года, общая сумма капиталов группы «Англо-Американ корпорейшн» составляла 6,3 миллиарда рэндов, или 9,45 миллиарда долларов. Никто, однако, точно не знает размеров авуаров самой семьи Оппенгеймеров. Считают, что «бриллиантовый» Гарри помещает основную часть личных доходов в свою частную компанию «Э. Оппенгеймер энд сан», отчеты о деятельности которой никогда не публикуются. Впрочем, некоторую ориентировочную интерпретацию можно проделать, исходя из известных фактов.

Так, из ежегодного доклада «Англо-Американ корпорейшн» за 1975 год явствует, что только в «головной» корпорации «Англо-Американ» Гарри Оппенгеймер и его 31-летний сын Николаас владеют по 13,3 миллиона акций каждый. Еще 13,3 миллиона акций принадлежат бывшему зятю главы ААК Гордону Уодделлу, заседающему в палате собраний южноафриканского парламента. В результате на долю «семейного клана» приходится почти 40 миллионов акций головной корпорации группы «Англо-Американ». При курсе акций ААК, имевшем место летом 1975 года, это составляло примерно 200 миллионов рэндов акционерного капитала. А ведь Оппенгеймеры еще располагают более чем внушительной личной долей капиталов в таких гигантах, как «Де Бирс», «Чартерд консолидейтед», и ряде других компаний и фирм, управляемых якобы независимо от головной корпорации «Англо-Американ».

По примечательному признанию нынешнего главы ААК, сделанному однажды в минуту открытия, основатель империи Эрнст Оппенгеймер очень любил «делать»

деньги. В этой констатации ничего не меняет последующие «поиснения» сына, что его отец, мол, любил деньги не как таковые (?!), а как «символ, меру успеха». Видимо, столь же «символически», почти что «бескорыстно» любит деньги и «бриллиантовый» Гарри, весьма преумноживший богатства отца (западногерманский журнал «Виртшафтсвохе» оценивает состояние Гарри Оппенгеймера в 750 миллионов долларов). Он расширил рамки империи до таких размеров, что в сравнении с ними владения Сесилия Родса, казавшиеся некогда огромными, выглядели бы сегодня как жалкая деланка.

В самом деле, ныне сфера деятельности ААК охватывает кроме ЮАР территории многих других африканских государств. В Англии ААК ведет в поисках газа пробное бурение в Северном море, добывает поташ в Йоркшире. В Канаде ее филиалы разрабатывают полезные ископаемые, в США контролируют крупное производство химических удобрений, в Бразилии владеют золотыми присками.

А на другом конце земного шара изыскательские партии ведут активную разведку полезных ископаемых в Западной Австралии, в Тасмании, на островах Фиджи, в Папуа. По свидетельству бельгийского журнала «Пуркуа па?», «бриллиантовый» Гарри однажды изрек, что если на Луне обнаружат алмазы, то специалисты его компании «Де Бирс» первыми отправятся туда. Шутка? Возможно. Но в ней четко просматривается и ненасытность appetit главы ААК, который, почуяв запахи наживы, не останется ни перед чем, чтобы урвать «свое».

Штабы «Англо-Американ корпорейшн», ее филиалов и ассоциированных с нею компаний и фирм густо заселены виднейшими представителями международного большого бизнеса, тесно связанными с могущественными инвестиционными банками и финансовыми группами Лондона, Нью-Йорка, Парижа. Монополистические группы Сити представлены Джоселином Хамбро — заместителем председателя правления влиятельного английского торгового банка «Хамброс банк», одновременно занимающим директорские посты во многих страховых, инвестиционных и промышленных компаниях; Уолл-стрит — американской группой Энгельгарда, французский капитал — банкиром бароном Эли де Ротшильдом. Налицо полный «джентльменский» набор, укомплектованный носителями самых звучных фамилий.

В «золотом аду» Витватерсранда

Исторически сложилось так, что самая крупная финансово-промышленная империя ЮАР носит иностранное название. Но это не должно вводить в заблуждение. Да, у истоков ААК стоял английский и американский капитал. Опенгеймеровская группа и сегодня тесно связана с влиятельнейшими банковскими и монополистическими кругами западного мира. Но при всем том «Англо-Американ корпорейшн» была и остается типичным продуктом специфических условий Южной Африки, хищником, вскормленным на южноафриканской почве за счет жесточайшей эксплуатации африканских рабочих. Причем наивысшего процветания она достигла именно на протяжении последних трех десятилетий, благодаря системе апартеида, позволяющей Опенгеймерам выколачивать сверхприбыли в невиданных доколе масштабах. Заглянем ненадолго в бездонную глубину золотых рудников Ранда, в недра «блю-граунда», откуда на поверхность подается бесценная алмазодержащая порода.

...Самолет заходит на посадку. Земля наклоняется и вместе с нею скопление серебристо-серых копров из ажурной стали, огромных желтых пирамид, насыпанных из отвальных пород. Эти вечные памятники современного рабства воздвигнуты поколениями шахтеров-африканцев, добывающих золото. Они ни в чем не уступают тем, что стоят на Ниле, — величественным памятникам рабского труда в Древнем Египте. Скорее, напротив: самая маленькая из них по объему значительно превосходит пирамиду Хеопса.

А вот и сам Йоганнесбург, южноафриканский Чикаго, под асфальтом и небоскребами которого пролегли бесчисленные ходы штолен и штреков золотых рудников Витватерсранда. Наверху электронные машины без устали подсчитывают один из самых высоких в мире прибылей и дивидендов. А внизу настоящей ад, где, несмотря на рев мощных вентиляторов, стрелки термометров показывают пятьдесят, шестьдесят, а то и больше градусов по Цельсию.

Гигантские насосы без устали откачивают грунтовые воды, но во многих забоях с потолков и стен брызжет настоящий подземный тропический ливень. И в этом «золотом» аду постоянно копошатся сотни тысяч человек.

Они не знают, что такое день и что такое ночь. Там, внизу, время не просто деньги. Там оно — золото. А по-этому работа не приостанавливается ни на минуту. Смена, которая в мрачном молчании возвращается сюда после короткого сна, принимает инструмент еще теплым из рук предыдущей смены, которая валится с ног от изнеможения.

Только два раза в году, в сочельник и страстную пятницу, умолкают рев, визг, скрежет компрессоров, насосов, забойных молотков и рудооткатных тележек, а заодно и прерывистое дыхание тысяч и тысяч людей, осужденных на рабский труд в этой преисподней из преисподних. Умолкает на считанные часы, на время, пока сам господь бог поклоняется мамоне¹. Недаром глава «Англо-Американ корпорейшн», побывав однажды на своем самом глубоком золотом руднике, изрек: «Весьма занимательно, но я бы не хотел работать здесь».

Долгий и тяжелый путь проходит руда, прежде чем превратится в золотой слиток. Но еще более долгий и тяжелый путь проходит африканец из крааля в штольню и обратно. Сотни вербовочных контор раскинули свои сети не только в ЮАР, но и в ряде соседних африканских стран. Отбирают сильных людей, потому что конторы Гарри Опенгеймера и других магнатов золотодобывающей промышленности принимают лишь добротный «товар». В вагонах для скота их свозят в Йоганнесбург, где происходит тщательный осмотр.

«Товар», именуемый человеком, измеряют, взвешивают, просвечивают: вдруг обнаружится скрытая болезнь, а компании недосуг возиться с немощными и больными? Просвечивают не только «товар», но и его прошлое, сверяя личности прибывших с огромным черным списком, в который занесены «агитаторы и смутьяны».

Последняя ступень на пути к аду — возле конторки кладовщика, где новообращенные горячки отдают свои, ставшие теперь излишними, имена и получают взамен служебные номера и шахтерские лампы. Затем их разобьют на группы по племенному признаку, за несколько часов наскоро покажут, как обращаться с инструментом, и опустят в преисподнюю, откуда выбраться дано будет далеко не всем.

¹ Бог богатства и наживы у древних сирийцев, ныне — символ алчности и корыстолюбия.

Последняя ступень
на пути к аду

Вот цифры, которые не встретишь в ежегодных отчетах «Англо-Американ корпорейшн»: для них «не хватило места» среди бесчисленных выкладок, касающихся инвестиций, авуаров, прибылей и дивидендов ААК и ее филиалов. Пятеро из каждой тысячи африканцев, загнанных в золотые подземелья Ранда, становятся жертвами несчастных случаев и профессиональных болезней. Еще семнадцать расплачиваются рукой, раздавленной обвалом, либо ногой, попавшей под вагонетку, либо другими тяжелыми увечьями.

К ним следует добавить семьдесят человек на тысячу, которые сэберегут

руки и ноги, но будут настолько истощены физически, что угодят в больницу, откуда обратный путь на шахты им будет заказан. Кроме того, еще несколько десятков рабов отправятся досрочно в свои краали, минуя больницу койку: проявления открытой формы туберкулеза или силикоза будут у них настолько очевидны, что беглого взгляда врача окажется достаточно, чтобы вынести приговор.

Наконец, пятьдесят человек из тысячи, доведенные до отчаяния, пытаются бежать из этой адской костедробилки: акция, заранее обреченная на неудачу. Давным-давно компанией введен порядок, по которому законтрактованным рабочим выдают деньги только по окончании срока. Система апартенда настолько регламентирует каждый шаг африканца, что беглец, не имеющий к тому же никаких наличных денег, быстро оказывается в руках полиции. Возмездие, в назидание остальным, всегда бывает суровым: несколько недель тюрьмы, иногда еще и порка, а потом обязательная отработка немислимого числа штрафных смен — якобы для покрытия издержек по розыску и доставке.

А где-то на берегах реки Вааль, в Намибии, вгрызается в «блю-граунд» рабы алмазного гиганта «Де Бирс». Здесь несколько иной пейзаж, весьма смахивающий на огромный концлагерь, ибо территории алмазных разработок огораживают двойным забором с колючей проволокой, по которой пропущен электрический ток. Внутри еще одна настоящая крепость — алмазопромышленное отделение. Оно окружено целой сетью сторожевых постов и «контрольной полосой», подобно тому, как это делается на границе. Сюда стекаются протянувшиеся на километры ленты транспортеров, по которым алмазная порода поступает в специальные бункеры. Непрерывность потока обеспечивают тысячи шахтеров, которые живут в общежитиях-казармах.

Это не совсем обычные общежития. Вход и выход из них перекрыт железными решетчатыми воротами. Но если вход находится на уровне земли, то выход — двадцать метрами ниже. Через покатый бетонный коридор он ведет прямо в ствол шахты. Как только ствол проглотит последнего человека из спускающейся вниз смены, массивная дверь мгновенно закрывается, чтобы открыться снова, когда шахта изрыгнет рабочих обратно. Таким образом, до конца смены в шахту или из нее не проникнет и мышь. В результате для обитателей «общежития» существует единственная дорога из душных спален-казарм в не менее душные подземные лабиринты и обратно — в битком набитые людскими камерами.

На сторожевых башнях день и ночь вооруженные до зубов охранники следят за тем, чтобы кто-либо не вздумал по собственному желанию покинуть этот импровизированный концлагерь. Им помогают специально натасканные на людей злые собаки. Для «страховки» с воздуха район контролируется патрульными вертолетами. Даже по истечении контракта решетка на уровне земли поднимается не так просто. Прежде чем выпустить африканца-горняка на свободу, его подвергают просвечиванию рентгеновскими лучами: а вдруг в канун освобождения он проглотит драгоценный камешек, чем нанесет ущерб «бриллиантовому» Гарри?

Почти 150 тысяч рабочих, занятых на золотых, урановых, алмазных разработках «Англо-Американ корпорейшн», получают фантастически низкую заработную плату. Она, как свидетельствует в своем исследовании

профессор Кейптаунского университета Фрэнсис Уилсон, находится на уровне конца прошлого — начала нынешнего века. На золотых рудниках, например, рабочему-африканцу платят за его каторжный труд около 20 рэндов в месяц — стоимость одной пары ботинок! А когда рабочие пытаются протестовать, то «либерал» Гарри Опенгеймер обращается за помощью к властям. Вот только факты последних лет.

1973 год. Волнения на самом глубоком в мире золотом руднике «Уэстери дил левелс» в Карлтонвилле. Рабочие требуют повысить заработную плату. Администрация отвергла их требования. Вызванная полиция пускает в ход гранаты со слезоточивым газом, потом гремят выстрелы. Итог — 12 убитых, десятки раненых. По всей стране прокатывается волна демонстраций протеста против кровавой расправы. Студенты в Йоганнесбурге несут плакаты с надписью: «Последние дивиденды «Англо-Американ корпорейшн» — 12 убитых!»

1974 год. Арены кровавых событий становятся опенгеймеровские золотые рудники «Уэлком», «Фри стейт гедулд», «Уэстери холдингс». Требования горняков те же: улучшить условия труда, повысить заработную плату. Около 30 тысяч африканцев прекращают работу. Компания терпит убытки, но не идет на уступки. Волнения продолжаются свыше трех недель. На участников мирных манифестаций набрасываются полицейские с собаками. Вновь гремят выстрелы. 22 человека убиты, сотни ранены.

1975 год. Бурлит рудник «Ваалерифс» — крупнейший в «Англо-Американ корпорейшн». Незадолго до этого в результате катастроф из-за низкого уровня техники безопасности здесь погибло несколько десятков шахтеров. Забастовка перекидывается на соседние рудники. Как обычно, полиция патронов не жалеет. Используя карательный аппарат системы апартеида, Гарри Опенгеймер восстанавливает «порядок» на мятежных шахтах.

1976 год. Вспыхивают грандиозные волнения в городе-гетто Суоэто, а точнее — африканском пригороде Йоганнесбурга, где проживает около миллиона граждан ЮАР с черной кожей. Это семьи горняков, которые работают на шахтах и предприятиях Витватерсранда, входящих в империю ААК, и некоторых других горнорудных монополий ЮАР. Это те африканцы, которые ежедневно рано утром отправляются в 15-километровый путь в

Йоганнесбург, где они работают слугами, лифтерами, грузчиками, садовниками, чернорабочими в офисах, на предприятиях, в отелях, принадлежащих той же «Англо-Американ корпорейшн». Законы апартеида позволяют им находиться в «белом» городе только во время работы. По окончании рабочего дня все тот же изнурительный обратный путь в переполненных до отказа автобусах и электричках.

Суоэто — начальные буквы английских слов «Юго-Западные поселки». Столь прозаично окрестили этот «черный» город его создатели. Первую скрипку среди них играли отец и сын Опенгеймеры. Под патронажем обоих Опенгеймеров был образован консорциум для строительства этого «гарлема» Йоганнесбурга. Из «верноподданных» чувств отцы города хотели окрестить создаваемое гетто Опахамой. Так называют во всех странах субконтинента Опенгеймеров. У владельца ААК хватило чутья не связывать это предприятие со своим именем столь непосредственным образом. За Суоэто так и осталось его первоначальное название.

В газетах и журналах, находящихся под контролем опенгеймеровской империи, порой делается попытка представить Суоэто чуть ли не как «образцовое» поселение для африканцев. Но вот свидетельство буржуазной лондонской газеты «Файнэнш таймс». Ее йоганнесбургский корреспондент Стюарт Дэлби писал в разгар трагических июньских событий 1976 года: «Подобно большинству африканских поселков, Суоэто выглядит довольно непривлекательно. Хижины, большей частью построенные из дерева и с жестяными крышами, разбросаны по склонам небольших холмов. Только 20 процентов территории поселка электрифицировано. Канализация, как правило, отсутствует. Постели заменяют нары из бетона. Большинство улиц утопают в грязи. Среди населения Суоэто много безработных, хотя официально черным не разрешается не работать и африканца отправляют обратно в резервацию (хоумленд), если станет известно, что у него нет работы. Но и тем, кто работает, приходится не сладко. Почти три четверти местного населения живет за чертой официально признанного уровня бедности».

Вот почему в июне 1976 года было достаточно искры, чтобы вызвать взрыв среди доведенных до отчаяния обитателей этого черного гетто. Предшествующие кровавые

Вся жизнь — за железными воротами

события непосредственно на оппенгеймеровских золотых рудниках Ранда явились своеобразной «репетицией» того, что произошло затем в Соуэто.

Как это часто бывает в подобных случаях, поводом к вспышке послужила акция, на первый взгляд не имеющая прямого отношения к потогонной системе на рудниках ААК и других компаний, к ужасающей нищете в Соуэто и других африканских гетто ЮАР. 16 июня учащиеся средних школ «Юго-Западных поселков» собрались, чтобы выразить протест против решения властей ввести обязательное преподавание на языке африкаанс. В глазах коренного африканского населения страны он ассоциируется с ненавистной системой апартеида.

К учащимся вскоре присоединились другие жители. Подобно цепной реакции, волнения охватывали один район Соуэто за другим, потом они перекинулись на другие города. Годами копившийся гнев против чудовищной эксплуатации искал выхода. А власти словно ждали взрыва, чтобы преподать африканцам «уроки». Соуэто был наводнен вооруженными до зубов отрядами полиции. Неподалеку стояли, приведенные в состояние полной боевой готовности, армейские части.

Премьер-министр Форстер позднее признал, что полиция получила приказ «сохранить порядок любой ценой» и «не останавливаться перед использованием всех имеющихся в наличии средств для достижения этой цели». В директивном порядке карательным силам было предписано не пользоваться резиновыми палками, ибо они, как цинично пояснил министр юстиции, полиции и тюрем Джеймс Крюгер, приучают людей «не бояться винтовки».

Страшной ценой были обеспечены «порядок» и «спокойствие» в Ранде, восстановлены «нормальные» условия для того, чтобы Оппенгеймеры могли беспрепятственно перерабатывать в золото пот и кровь африканцев. Около 150 убитых, почти полторы тысячи раненых. Отныне Соуэто, как и название городка Шарпевилля, где пятнадцатью годами ранее также зверски было расстреляна мирная демонстрация африканцев, стало своеобразным синонимом апартеида — системы, одним из главных столпов которой является империя «Англо-Американ корпорейшн».

Немного истории

Пожалуй, впору сказать поподробнее о том, чего до сих пор доводилось касаться вскользь: о некоторых кажущихся «парадоксах» во взаимоотношениях империи ААК и лично «бриллиантового» Гарри с режимом апартеида. К примеру, как совместить официальную принадлежность Гарри Оппенгеймера к оппозиционной Прогрессивно-федеральной партии, то и дело критикующей с парламентской трибуны апартеид, критические высказывания в адрес различных догм апартеида самого «бриллиантового» Гарри с теми поистине безоблачными отношениями, которые сложились у него с официальной Преторией, с расисотом номер один Южной Африки, премьер-минист-

ром ЮАР Б. Дж. Форстером? Здесь уместен небольшой исторический экскурс — он поможет уяснить элементарную суть «анатомии» апартеида и всего южноафриканского расистского государства, с которыми накрепко связан оппегеймеровский финансово-монополистический гигант.

Южно-Африканская Республика не совсем обычная страна. Она являет собой пример колониализма особого типа, воплотившегося в форме режима апартеида. Особенность южноафриканского колониализма в том, что в ЮАР в одних государственных границах как бы сосуществуют «белая» Южная Африка — развитое капиталистическое государство — и «небелая» Южная Африка — типичная колония. Официальная расовая классификация относит к этой «небелой» Южной Африке около 19 миллионов африканцев, всех их власти именуют «банту» или презрительным «кафры»; примерно 2,5 миллиона метисов, которых в ЮАР называют «цветными»; около 800 тысяч «азиатов» — преимущественно индийцев.

Белое меньшинство по своему происхождению и языку также делится на две большие группы. Примерно 60 процентов из 4 миллионов 300 тысяч белого населения составляют африканеры, или буры, — потомки голландских поселенцев, основавших на юге Африки в конце XVII века. Позднее с выходцами из Голландии смешались французские эмигранты-гуленоты, немцы. Они говорят на языке африканс, имеющем в основе голландский язык с примесью немецких слов. Вторая по величине группа — выходцы из Англии. Их здесь называют англоязычными южноафриканцами, или «бритишерами».

В конце XVIII — начале XIX столетия на юге Африканского континента появились англичане, которые захватили обжитую бурами Капскую колонию. Силы старых и новых завоевателей были неравны, и буры решили уйти на север. Преодолев сопротивление зулусов, они основали на захваченной территории две республики — Трансвааль (за рекой Вааль) и Оранжевое Свободное государство. Но и там англичане не оставили их в покое. Окончательно судьбу бурских республик решило открытие алмазных и золотых месторождений в Кимберли и в Ранде.

В официальной историографии ААК фигурирует легенда о некоем Джеймсе Гаррисоне, странствующем ста-

рателе, который первым наткнулся на золотую жилу. Предприимчивые дельцы откупили у него право на находку за 10 фунтов стерлингов, а «южноафриканский Колумб», открывший миру золотоносные сокровища Ранде, снова отправился в путь и якобы был растерзан в белые львы.

Рассказывают также, что президент Трансвааля Пауль Крюгер заплакал, когда ему доложили, что на территории республики обнаружены золотые россыли: он понимал, что отныне этот регион станет объектом империалистической экспансии. Действительно, Великобритания начала грубо вмешиваться во внутренние дела бурских республик. Родс, Джеймсон и другие владельцы и администраторы основанных здесь алмазных и золотодобывающих компаний демонстративно игнорировали власти Трансвааля, недвусмысленно провоцировали вооруженный конфликт. В ходе развязанной англичанами англобурской войны британские войска применяли тактику выжженной земли, уничтожали фермы и усадьбы буров. Десятки тысяч стариков, женщин и детей были брошены в концентрационные лагеря. Героически сражались тогда за собственную свободу буры, продолжая, однако, отказывать в ней коренному африканскому населению.

После поражения в англо-бурской войне в африканерской верхушке начался процесс расслоения. Часть ее пошла на компромисс с англичанами, получив взамен право на участие в управлении доминионом Южно-Африканский Союз. Он был образован в 1910 году путем объединения четырех колоний: Капской, Трансвааля, Оранжевого свободного государства, Натала. Но большинство африканеров продолжало мечтать о реванше, об изгнании английских завоевателей и воссоздании бурской республики. Выразителем их взглядов стала Националистическая партия, основанная Д. Герцогом в 1913 году. А в 1918 группа фанатичных африканеров-националистов создала тайное общество Брудербонд (в переводе с африкаанс «Союз братьев»).

...Свет факелов выхватывает из темноты носилки, лежащие на постаменте посредине комнаты, ее стены задрапированы черной тканью. На носилках труп-кукла, обернутая в покрывало. На нем красными буквами выведено: «Измена». В могильной тишине, нарушаемой потрескива-

нием факелов, происходит обряд посвящения. Звучат слова клятвы:

— Тот, кто изменит Бонду, будет уничтожен. Бонд никогда не прощает и ничего не забывает. Его месть безошибочна и быстра. Предатель не избежит кары.

Загнанный по рукоятку в грудь чучела кинжал как бы подтверждает, что Бонд не бросает слов на ветер.

Политическим кредо Брудербонда был провозглашен христианский социализм. В свое время нынешний премьер-министр Форстер характеризовал его как теорию, идентичную тому, что в Италии называлось фашизмом, а в гитлеровской Германии — национал-социализмом. Один из пунктов программы Брудербонда предусматривал сегрегацию всех небелых. Брудеры позаимствовали у нацистов понятие о «херренфольке» — народе господ, к которому причислялись только африканеры.

Год за годом Брудербонд методично прибрал к рукам аппарат Националистической партии, продвигал своих людей в руководство голландской реформатской церкви, к лону которой принадлежит большинство африканеров, а также на ответственные посты в важнейших государственных учреждениях. В канун выборов 1948 года Брудербонд породил новый политический термин — апартеид. В переводе с африкаанс это слово означает разделение, состояние изоляции.

Белого обывателя заглушали «черной опасностью», уверяли, что только апартеид, сулящий полную сегрегацию африканцев, обеспечит привилегированное положение белого меньшинства, уберет его от растворения во «множестве рас». Приход тогда к власти националистов означал, что африканерский национализм, культивируемый Брудербондом, одержал весомую победу над извечными врагами буров — англичанами. Недаром лидер Националистической партии, он же член руководства Брудербонда, Д. Ф. Малан торжествующе воскликнул: «Южная Африка снова принадлежит нам!»

Анатомия расистского режима

В загородном поместье Оппенгеймеров неподалеку от Йоханнесбурга ждали важного гостя. Эту роскошную усадьбу и прежде посещали именитые визитеры. Здесь при жизни любил бывать премьер-министр ЮАС фельд-

маршал Сметс, дорога в «Брентхарст» хорошо знали промышленные и финансовые магнаты со всех континентов. Английская королевская семья, посетив после войны Южную Африку, сочла своим долгом нанести визит ее некоронанному королю Эрнсту Оппенгеймеру.

Об этом «историческом» событии основатель ААК годов был рассказывать чуть ли не до последнего своего часа. Он, привыкший оценивать все сущее в каратах, заранее прикинул тогда, какого достоинства бриллианты должны будут напоминать их величеству о незабываемых часах, проведенных в его, Оппенгеймера, резиденции. Дочь Гарри, маленькую Мери, в свои три года еще не научившуюся отличать драгоценные камни от простых стеклышек, тренировали целую неделю, чтобы она, упаси боже, не нарушила церемонию, а главное — не перепутала подарки, которые ей надлежало вручить принцессам Элизабет и Маргарет, а также королеве-матери.

Все было размыграно как по нотам, а презентованные камни были, видимо, настолько хороши, что некоторое время спустя Эрнста и его супругу принимали в Букингемском дворце в Лондоне на истинно королевском уровне.

А вообще ржа тщеславия, поражающая обычно всех нуворившей, не обошла стороной и наших героев. Эрнст Оппенгеймер, не получивший даже элементарного среднего образования, в неполные 16 лет бросивший школу, чтобы всецело отдаться культуре алмазов, с явным удовольствием щеголял степенью доктора гражданского права Оксфордского университета. А уж «бриллиантовый» Гарри, кое-как все же закончивший Оксфорд, счел себя вправе обзавестись докторскими степенями всех учебных заведений, меценатом которых он состоит. Одна за другой следовали помпезные церемонии прощания главы ААК к миру науки в Витватерсрандском, Натальском, Кейптаунском университетах. А вот с университетом в Лидсе (Англия) случилась осячка. Тамошние студенты пригрозили обструкцией, если «либерал» Гарри и в самом деле вздумает в торжественной обстановке принять докторскую степень, которую ему подобострастно готовились даровать отцы-попечители.

А разве не тщеславное желание поразить воображение окружающих побуждало отца и сына воздвигать резиденции одна роскошнее другой в различных частях ЮАР, в

других государствах Африки, в США и Англии? В начале 70-х годов глава ААК, которому, очевидно, не дали покоя лавры греческих мультимиллионеров Онассиса и Никсархоса, вознамерился купить один из Сейшельских островов. Стоил он с точки зрения финансовых возможностей Оппенгеймеров сухую безделушку — что-то около 1 миллиона 200 тысяч долларов. Но потом делец рассудил, что Сейшельские острова отстоят слишком далеко от Южной Африки. В порядке компенсации, чтобы потешить самолюбие, он распорядился в спешном порядке воздвигнуть роскошный дворец, а точнее, целый дворцовый комплекс из пяти зданий на морском берегу возле Дурбана. 10 спален, 15 ванных комнат, отдельное детское крыло в главном здании, отдельное крыло для гостей, плавательный бассейн олимпийских размеров...

Но вернемся к встрече в «Брентхарсте», которая для «бриллиантового» Гарри значила ничуть не меньше, чем для его отца высочайшее посещение королевских особ. В некотором смысле она должна была носить символический характер, ибо к нему, наследнику дела Сесилия Родса, жаловал с дружеским визитом главный апостол африканерского национализма, член руководства Брудербонда, премьер-министр Форстер.

Памятью о роли, которую сыграли в судьбах бурских республик С. Родс и другие ему подобные «миссионеры» британского империализма, африканеры прежде с большим подозрением, если не сказать с враждебностью, относились к Оппенгеймерам. Вот почему в штаб-квартире «Англо-Американ корпорейшн» на первых порах не на шутку встревожились, когда Националистическая партия и стоявший за ее кулисами Брудербонд оказались у власти. Но вскоре обнаружилось, что стороны прекрасно понимают друг друга.

Правда, обоих Оппенгеймеров, особенно «либерала» Гарри, подчас коробила прямолинейность столпов расистского режима, во всеуслышание заявлявших о намерении увековечить «бааскап», что на африкаанс означает господство белых. В начале правления националистов главу «Англо-Американ корпорейшн», как и ряд других южноафриканских горнорудных магнатов «бритишеров», несколько озадачивала антимонополистическая демагогия новых правителей страны (наиболее крупные частные состояния контролировались тогда британцами), взятый

Каторжный труд африканцев на шахтах Витватерсранда

ими курс на африканеризацию государственного аппарата.

Все встало на свои места, когда апартеид начал приносить очевидные дивиденды. Целый свод законов, рожденных под сенью Брудербонда, закрепил за «белой» Южной Африкой почти 87 процентов наиболее богатых полезными ископаемыми и плодородных земель. Африканцев, всех небелых, проживающих на этих территориях, полностью лишили политических и гражданских прав, превратили в бесправных мигрирующих рабочих. «Национальными» очагами африканцев (в ЮАР их называют хоумлендами, или бантустанами) объявили территории, занимающие чуть больше 13 процентов пло-

щадя страны,—бесплодные, засушливые районы, в которых почти полностью отсутствуют полезные ископаемые. Согласно канонам апартеида, переселение всех африканцев в бантустаны увенчает решение расового вопроса, так как именно в этом случае будет осуществлен апартеид в буквальном смысле этого слова — полное обособление друг от друга основных расовых групп.

Другое дело, что весь этот замысел — чистойшей утопия. Экономика «белой» Южной Африки не может существовать без рук миллионов африканцев. В правящей верхушке всерьез и не помышляют о полном разделении рас, провозглашенном конечной целью апартеида, о действительном изгнании всех африканцев в бантустаны. Премьер-министр Форстер откровенно заявил: «Это правда, что черные работают на нас. Они будут работать на нас целые поколения, несмотря на то что в идеале мы должны полностью отделиться от них... Суть такова, что мы нуждаемся в них».

Но зато хоумленды стали бездонным резервуаром дешевой рабочей силы. А драконовские законы апартеида, превратившие всех африканцев во «временных» жителей «белых» районов, лишившие их права формировать собственные профсоюзы и бастовать, создавали столь желанную для монополий стабильность на рынке труда, на редкость благоприятный «климат» для их обогащения. Оппенгеймеры по достоинству оценили эти и многие другие «блага» апартеида. К примеру, для золотодобывающих компаний установлены особые льготы, освобождающие их от значительной части налоговобложения. Это обеспечивает «Англо-Американ корпорейшн» постоянную возможность использовать изрядную долю прибылей для капитального строительства, освоения новых месторождений.

Некоторые западные и южноафриканские журналисты, социологи, историки, освещающие проблемы Южной Африки, пишут о «двусмысленностях» и «сбивающих с толку противоречиях» в различных выступлениях «бриллиантового» Гарри. Но в действительности у главы ААК точно выверено и взвешено каждое слово — все зависит от того, где, когда и для кого он говорит. В публичных выступлениях в ЮАР он не прочь поиграть в либерала: тогда-то и раздается из его уст точно дозированная критика в адрес апартеида. Но вот наш герой оказывается в

другой ситуации, скажем произносит речь при открытии в Париже выставки «Алмазы в промышленности?» — «Южная Африка в катастрофическом положении?» — как бы повторяет он цей-то вопрос. И тут же отвечает: «Напротив, мы могли бы предложить другим странам модель межрасового сотрудничества».

А вот фрагмент из другого выступления «бриллиантового» Гарри, которое явно не претендовало на широкую гласность. На ленте в американском посольстве, находясь в кругу «избранных», он заявляет: «Для американцев очень важно уяснить, что апартеид не является чем-то порочным или глупым, как это может показаться. Правительство (ЮАР) пытается разрешить свои проблемы в разумной и справедливой форме...»

Впрочем, куда важнее слов практическая помощь, которую глава «Англо-Американ корпорейшн» оказывает режиму апартеида. В начале 60-х годов, после трагических шарпвильских событий, он оказался в затруднительном положении. Иностранные инвесторы, дотеле «молившиеся» на апартеид, теперь усомнились в его способности держать события под контролем. Начался массовый отлив капиталов, который быстро поставил южноафриканскую экономику на грань катастрофы. «Бриллиантовый» Гарри первым пришел на помощь правящей расистской клике крупными прямыми инвестициями, а главное, выступил перед международными монополиями гарантом режима апартеида. Об этой неоценимой услуге никогда не забывал «отец» апартеида Хендрик Фервурд, занимавший тогда пост премьер-министра, о ней хорошо помнит его преемник Форстер.

«Врастанию» группы «Англо-Американ корпорейшн» в апартеид способствовало и то обстоятельство, что, решив сотрудничать с режимом, Оппенгеймер вместо конфронтации с африканерским капиталом взял курс на «разумное партнерство» с ним. При содействии ААК была создана крупная африканерская горнорудная компания «Федерал минбоу». Ее главе, Томасу Мюллеру, брату министра иностранных дел националистического правительства Хильгарда Мюллера, Оппенгеймер помог стать президентом южноафриканской горнорудной палаты. Позднее глава ААК содействовал «Федерал минбоу» в установлении контроля над крупнейшей горнорудной корпорацией «Дженерал майнинг».

Долг платежей красен. С «бриллиантовым» Гарри охотно сотрудничают предприятия государственно-капиталистического сектора, в котором верховодят африканеры. А этот сектор играет важную роль в экономике ЮАР, поскольку охватывает железные и шоссейные дороги, порты, гражданскую авиацию, электростанции. Под контролем государства находятся 70 процентов выплавки стали, производство синтетического топлива, оно располагает значительными мощностями в машиностроении и легкой промышленности. Африканерский капитал все больше переплетается с капиталом, контролируемым британцами, — процесс, которому всемерно способствует Гарри Опенгеймер. Происходит формирование единого «экономического истэблишмента», представленного крупной африканерской буржуазией, а также европейскими магнатами. Сроднил их апартеид — система наиболее интенсивной эксплуатации африканской рабочей силы.

И вот уже многие самые именитые африканеры-националисты, не таясь, восхищаются «добродетелями» Опенгеймеров. Разумеется, главная среди них — несметные богатства семьи. «Бриллиантовый» Гарри теперь уже не просто деловой партнер, с которым общаются по необходимости, а «гордость» белой Южной Африки. «Почти все развитые страны мира имели своих промышленных королей. В США это Рокфеллеры, Карнеги, Форды, в Германии — Круппы, в Англии — братья Левер. Южная Африка породила Опенгеймеров» — эти слова почтительно произнесены устами министра-националиста, «брудера» ван Рийна.

А нынешний премьер-министр Форстер не только почитает за честь быть принятым в офисе владельца ААК или в одной из его многочисленных загородных резиденций. Он яростно бросается в бой, если нужно оградить дельца от нападков со стороны некоторых особо «твердых» африканеров-националистов. Случается, что кто-либо из членов кабинета Форстера или руководителей Брудербонда в полемическом пылу позволяет себе задеть персону «бриллиантового» Гарри. В подобных ситуациях реакция Форстера бывает однозначной. Карела де Вета, министра шахт и планирования, который публично обвинил дельца в том, что тот саботирует претворение в жизнь принципов апартеида, Форстер резко одернул, а при первом подходящем случае сместил. Примечательна судьба

так называемого «доклада Хэка» — исследования о месте и роли опенгеймеровской империи в экономике ЮАР. Ознакомившись с докладом, Форстер принял «простейшее» решение: запретил публиковать его.

Благодаря поддержке премьер-министра Опенгеймеру неизменно отдается предпочтение перед бизнесменами-африканерами, если решается вопрос о распределении выгодных правительственных контрактов. Типичный пример — история с контрактом на строительство крупного комбината по производству аммония. Его домогались многие фирмы, и среди них африканерская компания «Федерал кансмис», в которую были вложены и государственные средства. Ожидали, что именно ей перепадет жирный правительственный кусок. Но вмешался Форстер, и выбор пал на опенгеймеровскую «Африкен експлозивз энд кемикл индустриз».

Бумеранг «цветного барьера»

И все же Опенгеймер критикует апартеид. Разумеется, не потому, что его «либеральная» душа вдруг вспыхнула сочувствием к семьям горняков, убиенных полицией на золотых рудниках «Англо-Американ корпорейшн», или к детям, расстрелянным на улицах Соуэто. Претензии главы ААК к режиму Претории другого свойства: апартеид, приносящий на первых порах «бриллиантовому» Гарри только дивиденды, ныне все больше мешает процветанию опенгеймеровской империи. Парадокс? Нет, естественное следствие аномалий, лежащих в основе южноафриканского расистского государства.

К примеру, система дешевой мигрирующей рабочей силы все меньше соответствует нуждам современной экономики. Она, удовлетворявшая в прошлом потребности горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства, где от рабочих не требовалось высокой квалификации, решительно не устраняет владельцев современных промышленных предприятий, которым нужны постоянные квалифицированные кадры. А таким владельцем в первую очередь является... Гарри Фредерик Опенгеймер.

Но целый комплекс ограничительных законов образует пресловутый «цветной барьер», препятствующий допуску африканцев к квалифицированному и полуквалифицированному труду. Вот и получается, что самые «пра-

воверные» предприниматели-африканеры, которым бы в первую очередь блясти каноны апартеида, не говоря уже об Оппенгеймере и других «бритишерах», идут на всевозможные ухищрения, чтобы обойти некоторые расистские законы.

Главе ААК явно не по душе и некоторые другие последствия грубого насилия апартеида. Так, из-за переизбытка неквалифицированных мигрирующих рабочих и дефицита квалифицированной рабочей силы труд различных расовых групп не оплачивается по своей стоимости. Белым трудящимся заработная плата искусственно завышается, черным — занижается. Нет, дельца отнюдь не гнетет ужасающее положение африканцев, которым, к примеру, на его рудниках платят в 16 раз меньше, чем белым, выполняющим ту же работу. Но такая система не стимулирует роста производительности труда, качества продукции, снижает ее конкурентоспособность на внешних рынках.

Другая беда — низкий жизненный уровень небелого населения страны. Покупательная способность его мизерна, а посему внутренний рынок ЮАР не в состоянии поглотить продукцию обрабатывающей промышленности. Это самым непосредственным образом затрагивает интересы оппенгеймеровской империи, в рамках которой производят все — от текстиля до сложнейшей аппаратуры. Тревоги «бриллиантового» Гарри по поводу этих и ряда других несуразниц выплескиваются на страницы контролируемых им газет и журналов. Они просматриваются и между строчками ежегодных отчетов «Англо-Американ корпорейшн».

Прелюбопытнейший документ эти «гроссбухи» ААК, некоторые разделы которых ищет сам глава корпорации. Каждый отчет больше смахивает на доклад премьер-министра, который возманился бы достаточно подробно изложить состояние дел в стране. Рыночная конъюнктура, состояние платежного баланса, динамика и структура внешней торговли, взаимоотношения между различными расовыми группами, положение в правящей и в оппозиционных партиях и группировках, социальный «климат», оценка важнейших внешнеполитических акций — поистине не сыщешь такой проблемы, которую не включал бы в сферу интересов своей империи «бриллиантовый» Гарри. Впрочем, спроси его самого по поводу

такой «всеядности», он наверняка бы удивился: ведь подобный подход полностью соответствует семейному девизу: «То, что хорошо для «Англо-Американ», хорошо и для всей страны».

Раз в год выходят «монологи» ААК с пометкой: «Издано в Йоханнесбурге. Мейн-стрит, 44». Их внимательно изучают не только в оффисах крупнейших банков и корпораций, но и в правительственных канцеляриях Претории. Извлечения из этих «сокровищниц» оппенгеймеровской мысли широко цитируются во время парламентских дебатов. Именно в одном из своих ежегодных заявлений «О положении страны» (безынтересно вспомнить, что точно так же называются обращения к конгрессу президента США), которые являются составной частью отчетов ААК, глава «Англо-Американ корпорейшн» достаточно четко сформулировал выработанные им идеи модернизации апартеида.

По мнению «бриллиантового» Гарри, имеет смысл вообще отказаться от этого термина, ставшего одиозным. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что, кроме игры слов, король алмазов и золота ничего не предлагает. Просто он придумал своеобразную маску в негританском стиле «афро», которую для маскировки можно было бы напялить на апартеид. Эта маска — «государство меритократии». Править в нем будет та же расистская верхушка вкупе с экономическим истеблишментом, а также элита из привилегированных африканцев, которых можно причислить к «достойным» (английское merit) людям.

Если не считать претенциозного названия, то в этой затее нет решительно ничего нового, ибо идея управлять «туземцами» с помощью местной племенной знати столь же стара, как колониализм. «Новизна» же в оппенгеймеровском «государстве меритократии» заключается в том, что рамки африканской элиты несколько расширяются. Кроме племенных вождей к ней могут быть причислены разбогатевшие торговцы и предприниматели из числа африканцев (среди них в ЮАР даже несколько миллионеров), те представители черной интеллигенции, которые изъявили бы готовность сотрудничать с расистами. Новые идеи Гарри предполагают известное смягчение «цветного барьера» — ведь «достойные» люди, которым предстоит управлять «государством меритократии»,

не могут допустить, чтобы несколько нелепых канонов, имеющих в основе факторы, которые в ЮАР деликатно именуют «эмоциональными», а попросту говоря расовые предрассудки, мешали священному процессу обогащения монополий.

Остается добавить, что все эти «оригинальные» идеи почти слово в слово можно было услышать около ста лет назад из уст Сесилия Родса. Скорее всего, именно из этого источника и черпал вдохновение наш герой. Правда, термин «государство меритократии» действительно родился на Мейн-стрит, 44, и может считаться детищем «Англо-Американской корпорации» или самого «бриллиантового» Гарри. А во времена Сесилия Родса империалистам было недосуг выдумывать разные замысловатые словечки. Свою «модель» государства для юга Африки империалист из империалистов С. Родс характеризовал как «просвещенный колониализм». Сам он вкладывал в это понятие вполне определенный смысл: модернизированный колониализм, в совершенстве приспособленный к капиталистической эксплуатации покоренных народов.

В различных выражениях, с теми или иными нюансами, меняющимися в зависимости от конъюнктуры, глава ААК уже не один год рекламирует свои «меритократические» идеи. На страницах отчетов «Англо-Американской корпорации», в ряде устных выступлений перед бизнесменами, на собраниях, посвященных памятным датам, в учебных заведениях и фондах, в которых он состоит почетным членом правления. Они же, эти идеи, легли в основу программных установок Прогрессивной партии, главным мегаченом и негласным патроном которой стал Гарри Опенгеймер.

Ее появление на свет — плод долгосрочных планов, которые строятся в тиши кабинетов на Мейн-стрит, 44. А планы эти исходят из того, что режим апартеида не вечен, что волна перемен рано или поздно захлестнет и Южно-Африканскую Республику, сметет ненавистный африканцам, всем небелым режим апартеида. В предвидении такого момента Гарри Опенгеймер, занимающий в системе южноафриканского государства столь уникальное положение, не может не думать об альтернативных вариантах.

Нужна партия, которая смогла бы при определенных условиях взяться за претворение в жизнь опенгеймеров-

ских «меритократических» идей. Объединенная партия, в которой по «традиции» членствовали оба «монарха» империи ААК, явно не подходила для этой цели. На ней тяжким бременем висел груз неудач последних десятилетий, когда после потери парламентского большинства в 1948 году она в ходе последующих выборов сдавала одну позицию за другой. К тому же ее даже при самом богатом воображении было трудно выдавать за что-то существенно отличное от Националистической партии. Вот почему в штаб-квартире ААК и пришли к выводу о необходимости иметь собственный политический инструмент. Практическое воплощение этот замысел получил в 1959 году, когда было объявлено о создании партии, нареченной «прогрессивной». Потом она стала именоваться Прогрессивно-реформистской (ПРП), а ныне называется Прогрессивно-федеральной.

Большая пресса ЮАР на английском языке, контролируемая ААК, не пожалела сил, чтобы сделать шумное публичное этому своеобразному политическому филиалу опенгеймеровской империи. Прогрессивно-федеральную партию пытаются представить как подлинную альтернативу и Националистической и Объединенной партии. Среди части белого населения эти пропагандистские усилия, щедро субсидируемые «бриллиантовым» Гарри, имели успех.

В 1974 году детище Опенгеймера сделало внушительный бросок, увеличив свое представительство в парламенте с одного до восьми депутатов. Чтобы привлечь симпатии африканцев, ее лидеры призывают предоставить избирательные права небелым, но при условии введения для них высоких образовательных и имущественных цензов. Подсчитано, что если бы сейчас руководствовались этими цензами, то количество африканцев, допущенных к голосованию, было бы меньше, чем в 1886 году, когда они расплавали этим правом в Капской колонии.

Сотворение и крах Читтагань

В Ботаническом саду Кейптауна стоит статуя С. Родса. Кумир «бриллиантового» Гарри указывает перстом на север. Надпись на постаменте гласит: «Ваш тыл — там». «Бриллиантовый» Гарри точно уловил экспансионист-

ский порыв своего предтечи, образно запечатленный в камне скульптором. А уж по аппетитам размах Оппенгеймеров не грелись Родсу в самых смелых его мечтах. Многие страны к югу от Замбези в штаб-квартире ААК еще недавно без церемоний вслух именовали «подлинными тылами» ЮАР. На прицеле второй пояс государств, которые в правительственных канцеляриях Претории и в директорских кабинетах «Англо-Американ корпорейшн» в конфиденциальных разговорах также хотели бы подвести под категорию южноафриканских «союзников». Это Заир, Кения, Уганда, Танзания...

Отец и сын Оппенгеймеры раньше многих своих коллег по бизнесу, раньше ряда западных колониальных политиков учуяли приближение «ветра перемен», задувшего в середине 50-х годов над Африканским континентом. И они сделали все возможное, чтобы повернуть его вспять. Печать активного участия «Англо-Американ корпорейшн» носят все коварные политические акции, все «крестовые походы» международного и южноафриканского империализма и колониализма против африканских народов на огромном пространстве от реки Конго до мыса Доброй Надежды.

Здесь нет надобности что-либо упрощать: трагические события, имевшие место на протяжении последних двух с половиной десятилетий в ныне покойной Федерации Родезии и Ньясаленда, в бывшем Бельгийском Конго, в Родезии, Намибии, Анголе — плод «коллективного творчества» империалистических сил. За них ответственны крупнейшие международные монополии по обе стороны Атлантики, правительства США, Англии, Бельгии и некоторых других европейских государств. Но все это несколько не умаляет «заслуг» «Англо-Американ корпорейшн», занимающей уникальное положение в расистском южноафриканском государстве, имеющей уникальные связи в международных финансово-монополистических и политических кругах и сыгравшей поистине уникальную роль в этих событиях.

Современники свидетельствуют, что Сесиль Родс очень гордился тем, что его именем назвали целую страну — честь, которой в истории человечества удостоились очень немногие. Уже будучи на смертном одре, он все спрашивал: «Они не изменят название страны?» Но наследники Родса столкнулись после второй мировой войны

Очередная жертва полицейского террора

с куда более страшной для них перспективой — речь шла уже не о названии, а о самой сути, о том, что территории, которые «Англо-Американ корпорейшн», «Чартерд» и некоторые другие «привилегированные» монополии привыкли считать своей вотчиной, уплывали из их рук. Народы обеих Родезий решительно требовали независимости. Тогда-то и родился замысел отгородить «общим забором» Северную и Южную Родезии, а также Ньясаленд (нынешнее Малави).

Новое государственное образование нарекли Федерацией Родезии и Ньясаленда. На конференции, посвященной созданию Федерации, тон среди делегатов задавали директора «Англо-Американ корпорейшн», а также ее многочисленных филиалов и связанных с нею фирм. Отец и сын Оппенгеймеры лично не участвовали в этой «исторической» встрече в городке Виктория-Фолдс на границе Северной и Южной Родезии возле знаменитого водопада

Виктория. Но их доверенные лица, заседавшие среди делегатов-учредителей, сделали все, чтобы в конституции Федерации в первую очередь были учтены нужды империи ААК и ее партнера «Бритиш Саут Африка».

Идею, заложенную в этом насильственном симбиозе трех государств, весьма четко выразил тогдашний ежегодный отчет «Англо-Американ корпорейшн». Презрев условности и называя вещи своими именами, авторы отчета указывали, что в рамках Федерации в один организм объединяются несметные природные богатства «Коппербелта» («Медного пояса») Северной Родезии, обрабатывающая промышленность Южной Родезии, мощный резервуар дешевой африканской рабочей силы в лице Ньясаленда. Южной Родезии, где имелась самая значительная прослойка белого населения, отводилась роль «жандарма» нового государственного образования.

Для отвода глаз девизом Федерации провозгласили лицемерную формулу Сесляя Родса: «Равные права всем цивилизованным людям». Этот прообраз пропагандируемого ныне Оппенгеймером «государства меритократии» ограничивал право африканцев на участие в голосовании столь высоким имущественным и образовательным цензом, что на первых выборах в Федеральную ассамблею из 8 миллионов африканцев участвовали: в Южной Родезии — 420 человек, в Северной Родезии — трое, в Ньясаленде не голосовал ни один африканец. Это не помешало Гарри Оппенгеймеру в очередном отчете «Англо-Американ корпорейшн» восхвалять «многорасовое партнерство», якобы воплотившееся в Федерации Родезии и Ньясаленда.

Да, такое торжество принципа «равных прав» очень устраивало хозяев ААК и БСАК. С их благословения в Федерации стряпались все новые ограничительные и репрессивные законы, многие из них просто копировали южноафриканское законодательство апартеида. Премьер-министр Федерации Рой Веленский, который занял свой пост благодаря прямой поддержке обоих Оппенгеймеров, с циничной прямотой заявил: «Африканцы? Они пользуются у нас правами, но это права африканца, а не права человека».

Но отца и сына несколько не шокировали подобные откровения их человека в Солсбери, городе, который од-

новременно был столицей Федерации и Южной Родезии. Из фондов ААК Объединенной федеральной партии Веленского и возглавляемому им правительству сужались займы на самых льготных условиях, выдавались крупные безвозвратные ссуды. «Благотворительность» окупалась сторней. Ежегодная прибыль здешних филиалов «Англо-Американ корпорейшн» превышала 200 процентов на вложенный капитал.

«Либеральный» Гарри до последнего момента твердо поддерживал бывшего боксера Веленского, который «железным кулаком» пытался навести «порядок» в Федерации, именуемой африканцами Читтаганьей. Но ничто уже не могло спасти его от краха. В первый день 1964 года в городах и селениях Северной Родезии и Ньясаленда африканцы от мала до велика вышли на улицы, чтобы проводить в последний путь необычного покойника. Они несли черные гробы с надписями: «Труп Федерации. Родилась в 1953 году, умерла в 1963-м». В одних местах гробы, символизирующие Читтаганью, опускали в могилы, в других — сжигали, а пепел развевали по ветру. На развалинах Федерации возникли независимые государства Малави и Замбия.

То были поистине траурные дни для «бриллиантового» Гарри: ведь к тому времени почти всю промышленность «Медного пояса» контролировал его родезийский филиал «Роангло».

Впрочем, в штаб-квартире «Англо-Американ корпорейшн» не стали предаваться меланхолическому унынию. Слишком велики были ставки ААК в «Коппербелте» Северной Родезии, чтобы глава корпорации мог позволить себе безропотно смириться с поражением. Условия изменились, — следовательно, требовалось изменить тактику, сделать все, чтобы наилучшим образом приспособиться к этим новым условиям. Оппенгеймер изображает хорошую мину при плохой игре. Он лично отправляется на церемонию провозглашения независимости Замбии. На собственном самолете, который ведет сам. Кто-то из местных журналистов потом саркастически заметил, что он прибыл словно для того, чтобы увидеть, как политический штурвал Замбии берут в свои руки африканцы.

Глава ААК потом не раз еще побывает в Лусаке и Ндоле — столице «Медного пояса» Замбии. В ход будут

пущены уговоры, шантаж, подкуп чиновников и членов правящей партии. Когда не поможет и это, прибегнут к блокаде — расистская клика Солсбери закроет границу, прервав транзит через Родезию замбийских товаров. Смит и К^о недвусмысленно дадут понять правительству Замбии, что национализация медных рудников и прочих владений «Англо-Американ корпорейшн» немедленно повлечет за собой прекращение подачи электроэнергии в район «Коппербелта». «Медный пояс» Замбии получает ее с гидроэлектростанции Кариба на реке Замбези, главные сооружения которой находятся на южнородезийской стороне.

Правда, сообразуясь с обстановкой, «бриллиантовому» Гарри пришлось кое в чем уступить. Скажем, городу Банкрофту, названному так по имени одного из старейших директоров «Англо-Американ корпорейшн», вернули его старое африканское название. Делец вынужден был согласиться на существенное увеличение отчислений от своих огромных прибылей в «Коппербелте» в пользу государственной казны независимой Замбии. В конторах оппенгеймеровских компаний в «Медном поясе» появились клерки с черной кожей.

Дальше — больше. Продолжая наступление, правительство республики потребовало, чтобы некоторые медьдобывающие компании продали государству 51 процент акций. Конечно, такое было бы немислимо под сенью Федерации Родезии и Ньясаленда. Главе ААК только и оставалось вспоминать о тех благословенных временах, когда короткого разговора с Роем Веленским было достаточно, чтобы разрешить любую проблему, связанную с «неразумными» требованиями африканских националистов.

Для кого открываются юганнесбургские сейфы!

1960 год. В штаб-квартире ААК благодумствуют: в стране царит «спокойствие» после кровавых расправ, учиненных расистами над безоружными африканцами в Шарпевилле и Ланге. В обеих Родезиях интересы корпорации вроде бы надежно ограждены забором колонизаторской Федерации Родезии и Ньясаленда. Но ареной бурных событий вдруг становится вчерашнее Бельгийское

Конго, обретшее независимость. На Мейн-стрит, 44, как и в штаб-квартирах многих других международных монополий, лихорадочно листают бухгалтерские книги, прикидывают потери, которыми грозят «Англо-Американ корпорейшн» рождение нового независимого государства.

Но и не заглядывая в увесистые гроссбухи, можно было не сомневаться, что «бриллиантового» Гарри очень взволнует перспектива радикальных перемен в Конго. В воздухе повисала судьба изрядных инвестиций ААК в конголезской алмазной провинции Касаи. Туманным стало будущее Катанги — этой «жемчужины» Конго и всей Африки, чьи недра буквально ломились от богатейших запасов меди, урана, кобальта. Оппенгеймеровская империя была крупнейшим акционером богатств Катанги.

Для «непосвященных» это тогда оказалось новостью, ибо считалось, что здесь безраздельно хозяйничает бельгийский колониальный финансово-промышленный спрут «Юнион миньер дю О'Катанга». Так-то оно и было, но те, кто ориентировался в лабиринте межмонополистических деловых и семейных связей, хорошо знали, что главные пакеты акций «Юнион миньер» держат в своих руках бельгийский финансовый колосс «Сосьете генераль де Бельжик» и компания «Танганьика консеншнс» — «Танкс», как ее любовно-фамильярно называли в международных биржевых кругах. Одним из директоров и обладателей крупного пакета акций «Танкс» был Гарри Оппенгеймер. Он же имел возможность влиять на правление «Танкс» через ее другого крупного пайщика, монополию «Чартеррд», уже тогда фактически ассоциированную с «Англо-Американ корпорейшн».

В те тревожные июльские дни 1960 года на Мейн-стрит, 44, без умолку стучали телетайпы, аппараты телексной связи, в кабинетах директоров ААК и самого «бриллиантового» Гарри вечерами подолгу не гас свет. 30 июня Конго стало независимым государством, а неделю с небольшим спустя мир узнал, о чем спешно сговаривались за спиной конголезского народа владельцы «Юнион миньер» и их доверенные лица в правительственных канцеляриях Брюсселя, Лондона, Вашингтона и Парижа. 10 июля была провозглашена «независимость» Катанги, главой нового государства стал Моиз Чомбе, чье имя

вскоре сделалось синонимом коварства, лжи, бесчестных махинаций, беззастенчивой торговли национальными интересами своей страны.

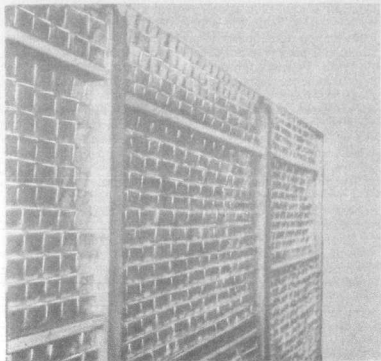
Почти 30 месяцев просуществовало «государство Катанга». Особенно часто главарь катангских сепаратистов наведывался в административный центр «Медного пояса» Ндолу. Здесь он направлялся в современные здания правлений «Англо-Америкен корпорейшн» и «Родезиан селекшн траст».

«Бриллиантовый» Гарри не зря расходовал деньги, финансируя катангскую авантюру, тратил время и энергию, до «последнего дыхания» поддерживая конголезских сепаратистов в лице Чомбе и шутовского «короля» Касаи Альбера Калонжи.

Даже в разгар самых ожесточенных боев в Катанге не прекращали дымить печи Жадовиля, Колвези, Камбо, Луилу, столичного пригорода Кипуши. И при Чомбе, и еще много-много месяцев после его падения «Юнион миньер», а следовательно, и «Англо-Америкен корпорейшн» продолжали собирать золотой урожай с природных богатств Катанги. Он с лихвой окупил затраты «бриллиантового» Гарри на катангскую марионетку. А если посмотреть на события тех лет в более широком плане, то уже одно только устранение с политической арены Патриса Лумумбы и его соратников было операцией, которая в глазах Г. Оппенгеймера и других «заинтересованных» лиц по своему значению и последствиям вообще не имела цены.

...В осенние дни 1965 года, когда расистская клика в Солсбери готовилась юридически закрепить и увековечить свое господство над народом Зимбабве, всезнающий нью-йоркский еженедельник «Ньюсуик» советовал: «Найдите ключ к иоганнесбургским сейфам, и вы проникнете в существо родезийских событий». Американскому журналу еще бы указать и адрес, где хранились эти ключи: Мейн-стрит, 44.

Понятно, что сети заговора, увенчавшегося 11 ноября 1965 года провозглашением «независимости» Родезии, плелись не только в резиденции «бриллиантового» Гарри. Свою лепту в эту акцию внесли и некоторые другие монополистические группы, подвизающиеся в ЮАР и Родезии; к ней приложили руку проколониалистские круги на берегах Темзы. Но одним из первых честолюбивые

Пот и кровь африканцев спрессованы в этих золотых слитках

замыслы Яна Смита и его подручных освятил наш герой. Он, столь рьяно поддерживавший ранее Объединенную федеральную партию Роя Веленского, после развала Читтаганги целиком и полностью перенес свои симпатии на Родезийский фронт, основанный Яном Смитом. В кассу этой партии были незамедлительно переданы 60 тысяч фунтов стерлингов, которые прежде ежегодно поступали от «Англо-Америкен корпорейшн» в распоряжение Объединенной федеральной партии. В очередном ежегодном отчете ААК наглые действия родезийских расистов, бросивших вызов мировому общественному мнению, рассматривались как «стабилизирующий фактор», способствующий «дальнейшей экономической и политической эво-

люции» южноафриканского региона. В качестве одного из очередных вкладов в эту «эволюцию» «бриллиантовый» Гарри ассигновал 10 миллионов фунтов стерлингов только на развитие никелевой промышленности Родезии.

Итак, Родезия стала «независимой». Отныне к черту игру в либерализм и сладкие посулы африканцам, на что были так охочи джентльмены из Вестминстера, где заседает британский парламент,— у Смита и его «ковбоев» свои рецепты обращения с коренным населением, благо что за опытом далеко ходить не требовалось — рядом страна апартеида, чей подход к решению расовой проблемы очень импонирует родезийским расистам. Так что, не мудрствуя лукаво, в Солсбери не стали обременять себя открытием Америк, а без лишних проволочек приступили к переложению южноафриканского расистского законодательства на родезийский лад.

Видимо, эта процедура совершалась достаточно квалифицированно, ибо «бриллиантовому» Гарри, вскоре посетившему Родезию, очень понравился политический и инвестиционный климат в этой стране. Делясь впечатлениями на пресс-конференции в Солсбери, он не поспешил на комплименты незаконному родезийскому режиму и закончил выступление обещанием и в дальнейшем принимать посильное участие в развитии экономики «дружественного» государства. В последующие недели, месяцы, годы, приступая к рассмотрению родезийских дел, глава «Англо-Американ корпорейшн» всякий раз не забывал отомкнуть свои сейфы. Щедрые инвестиции в экономику этой страны, прямая материальная поддержка, которую получает от «Англо-Американ корпорейшн» клика Смита, во многом способствовали долговечности незаконного родезийского режима.

Меценат «Союза нечестивых»

Империя ААК стала и одним из главных меценатов печальной памяти «дьявольского союза», или «Союза нечестивых», в основу которого после одностороннего провозглашения «независимости» Родезии легла «ось» Претория — Лисабон — Солсбери. У «бриллиантового» Гарри были самые веские основания пекься о судьбе этого военно-политического блока. Помимо приверженности

дельца стратегическим целям «Союза нечестивых», главной из которых было увековечение господства белого меньшинства на юге Африки, играла роль и прямая экономическая заинтересованность Опенгеймера в судьбах не только ЮАР и Родезии, но также Анголы и Мозамбика.

Инфильтрация «Англо-Американ корпорейшн» и ее филиалов в экономику этих «жемчужин» португальской колониальной империи началась уже в послевоенные годы, зато осуществлялась с такой интенсивностью, что быстро привела к впечатляющим результатам. В 1974 году ЮАР была третьим по значимости после Португалии и США импортером мозамбикских товаров, а по экспорту занимала второе место после Португалии, она же стала крупнейшим инвестором в экономику Мозамбика. И все это в значительной степени благодаря активности ААК, успешно сбывавшей на мозамбикском рынке химикаты, продукцию своих машиностроительных и текстильных предприятий. «Англо-Американ корпорейшн» сумела прибрать к рукам такой заманчивый проект, как строительство на реке Замбези гигантского гидроэнергокомплекса Кабора Басса. Она возглавила созданный для этой цели международный консорциум ЗАМКО, стала главным его акционером.

С самого начала было очевидно, что в обозримом будущем Мозамбик сможет потреблять лишь часть электроэнергии, которую будет вырабатывать Кабора Басса. Расчет делался на то, что высоковольтные линии передачу потянутся к промышленным объектам Трансвааля в ЮАР, в Малави, Замбии, Родезию. В перспективе это сулило «бриллиантовому» Гарри, не говоря уже о прибылях, еще большее усиление влияния его империи на огромных пространствах юга Африки. На тайных встречах лидеров «Союза нечестивых», проходивших с участием высокопоставленных эмиссаров «Англо-Американ корпорейшн», было согласовано важное дополнительное предназначение проекта Кабора Басса: расселить вдоль линии электропередач до миллиона белых эмигрантов. Наряду с португальской колониальной армией и ее южноафриканскими и родезийскими союзниками они должны были препятствовать национально-освободительной борьбе мозамбикского народа под руководством ФРЕЛИМО, их рассматривали как потенциальный резерв для

борьбы с освободительными движениями в других странах этого региона.

С каждым годом усиливалось проникновение ААК в Анголу. В середине 60-х годов здесь явственно «запахло» нефтью. Этот запах сразу же учуяли на Мейн-стрит, 44. Эмиссары «бриллиантового» Гарри зачастили в Лиссабон и Луанду, обхаживая владельцев «Петрагол» — португальской компании, имеющей концессию на разведку и добычу ангольской нефти. В 1969 году было подписано соглашение, по которому к южноафриканскому консорциуму, возглавляемому «Дженерал майнинг энд файнэс корпорейшн» (она тесно связана с «Англо-Американ корпорейшн»), отошли 50 процентов акций концессии. Империя Оппенгеймера является и главным инвестором проекта строительства плотины на реке Кунене, включающего сооружение комплекса Руакана. Небезынтересно вспомнить, что необходимость «защиты» промышленного комплекса Руакана была выдвинута властями Претории в качестве предлога для начала южноафриканской интервенции в Анголе в ноябре 1975 года.

Но, пожалуй, главным интересом «бриллиантового» Гарри в Анголе — и это, вероятно, уже вопрос не только бизнеса, но и психологии, учитывая семейные традиции главы ААК, — были ее алмазные богатства. По добыче алмазов Ангола занимает четвертое место в капиталистическом мире, уступая только ЮАР с Намибией, Заиру и Гане. Причем ангольские алмазы ценнее тех, что добываются в соседнем Заире: примерно 70 процентов — это драгоценные камни высокого качества.

В глазах непосвященных полновластным хозяином ангольских алмазных приисков, раскинувшихся в провинции Лунда на площади почти в 50 тысяч квадратных километров, была португальская компания «Диаманг». На территории концессии «Диаманг» ей принадлежит все: дороги, аэродромы, плотины, гидро- и теплоэлектростанции, гостиницы, больницы, магазины и товары в них, дома и мебель в них. Компания имела собственную полицию, оснащенную вертолетами, бронемашинами, мощным злом связи. На долю «Диаманг» приходилось 26 процентов общего экспорта Анголы.

Оппенгеймеровский колосс «Де Бирс» давно подбирался к сокровищам Лунды. «Бриллиантовый» Гарри и его ближайшие помощники ряд лет осторожно скупали

акции главных пайщиков «Диаманг», пока глава ААК не стал, по выражению парижского еженедельника «Юманите-диманш», «сувереном ангольского алмазного царства». Впрочем, сам делец, сообразуясь с обстановкой, никогда не афишировал этой стороны своего могущества. Считалось, что «Де Бирс» является владельцем незначительного пакета акций «Диаманг», что совместно с «Диаманг» она владеет только компанией, ведущей разведку алмазных месторождений. Правда, никогда не скрывалось, тем более что скрыть это было невозможно, что ангольские алмазы реализуются исключительно через «Сентрал селлинг организейшн», принадлежащую «Де Бирс».

Крушение португальской колониальной империи, озабочающее и крах «дьявольского союза», погребальным звоном отозвалось в штаб-квартире «Англо-Американ корпорейшн». Разваливался тыл, на который призывал опираться еще Сесиль Родс, с распадом «дьявольского союза» коренным образом менялась вся стратегическая обстановка на юге Африки. Вдруг, как бы остро осознав общность своей судьбы с судьбами расистской диктатуры, на Мейн-стрит, 44, сразу начисто забыв о тактических разногласиях с апартеидом, включились в совместные со столпами режима поиски спасительных рецептов. Всерьез рассматривалась, в частности, возможность «родезизации» Анголы и Мозамбика, то есть захвата в них власти белым меньшинством. Потом, более трезво оценив обстановку, решили остановиться на «катангизации», то есть сделать ставку на местных квислингов из числа африканцев, как это было с Чомбе. Когда же у квислингов в лице Холдена Роберто и Жонаса Савимби дела пошли худо, прибегли к открытой интервенции.

Здесь, пожалуй, нет нужды обращаться к опыту древних римлян и задаваться сакраментальным вопросом: «Кому выгодно?» Достаточно освежить в памяти цифры и факты об участии ААК в эксплуатации природных богатств Анголы. Недаром представители Прогрессивно-реформистской партии, которые порой рядятся в тогу оппозиционеров апартеиду, на сей раз дружно приветствовали решение правительства Форстера об участии в «крестовом походе» против Анголы.

Перед последним заездом

Когда Оппенгеймер-старший «за заслуги перед английской короной» был удостоен звания пэра, ему пришлось выбрать семейный девиз, соответствующий его рыцарскому сану. Основатель «Англо-Американ корпорейшн» остановился на изречении: «Я надеюсь на лучшее». Эти слова в дальнейшем любил повторять «бриллиантовый» Гарри. Но сегодня они звучат в его устах не победным глазом пренебрегающего бизнесмена, верящего в свой непреодолимый успех, а скорее как заклинание. Удачливому биржевому игроку, который годами неизменно брал верх в финансово-спекулятивном покере, сейчас явно не идет в руки выигрышная карта.

Как хорошо было решать дела с продажными португальскими колониальными наместниками в Анголе и Мозамбике. Ныне глава ААК и директора многочисленных филиалов его империи с ужасом вчитываются в тексты правительственных декретов, издаваемых в Луанде и Мапуту, в которых последовательно продолжается наступление на прежнее всевластие иностранных, в том числе и оппенгеймеровских, компаний и фирм. На алмазных приисках Лунды, например, созданы рабочие комиссии во всех промысловых и сортировочных центрах. Хищной практике империалистических рыцарей наживы приходит конец.

Правительство НРА, которое располагает 11,6 процента акций «Диаманг», намерено существенно увеличить свою долю. Алмазный спирт сокращается, в порядке нажима на республику искусственно сокращает производство, что лишает работы тысячи шахтеров, а государственную казну отчислений от прибыли. Оппенгеймеровская «Сентрал селлинг организэйшн» угрожает Луанде бойкотом ангольских алмазов на мировых рынках в случае национализации владений «Диаманг».

Но вряд ли на Мейн-стрит, 44, всерьез верят в действительность подобных судорожных попыток сохранить в неприкосновенности границы империи ААК. Тем более что линия фронта борьбы африканских народов за свободу и независимость, еще недавно пролегавшая через джунгли Гвинеи-Бисау, Анголы и Мозамбика, ныне переместилась в последние цитадели колониализма и расизма — в Родезию, Намибию, Южно-Африканскую Республику.

Характерная деталь: в 1975 году, когда у вдохновителя ангольской авантюры, делавших ставку на местных чомбе, еще теплилась надежда на ее успех, работа на приисках «Диаманг» шла в особо лихорадочном темпе. Слово в предвидении грядущих перемен, владельцы компании торопились вырвать из недр как можно больше драгоценных камней. В тот неспокойный год оппенгеймеровская алмазная монополия «Де Бирс» сумела не только сохранить астрономические прибыли 1974 года (203 миллиона рэндов) на прежнем уровне, но и увеличить их на 9 процентов.

Зато в следующем, 1976 году начало сказываться влияние перемен в Анголе. Курс акций «Де Бирс» на лондонской бирже пополз вниз, в Нью-Йорке и Цюрихе зафиксировали их широкую распродажу. «События в Анголе впервые показали уязвимость компании «Де Бирс» в случае возможных будущих действий государств в Южной Африке, преисполненных решимости стать хозяевами своих алмазных богатств», — писал летом 1976 года выходящий в Лондоне журнал «Африка». Выкладки, приводимые журналом, вряд ли могли настроить на оптимистический лад держателей акций «Де Бирс». «Как скажется на делах компании провозглашение независимости Намибии и приход в ней к власти африканского большинства?» — вопрошали редакторы «Африки».

Красноречивым ответом служили приводимые тут же столбики цифр. Из них явствовало, что примерно треть прибыли «Де Бирс» попадает в ее сейфы из Намибии по каналам дочерней компании «Консолидейтед даймонд майнз» (КДМ). КДМ — самый большой источник прибыли в группе «Де Бирс», а ее разработки в Ориндж-Маунте, на крайнем юго-востоке Намибии, — самый крупный в мире кладезь ювелирных камней.

Ныне непосредственная угроза нависла не только над «Де Бирс», но и над всей империей «Англо-Американ корпорейшн», над будущим правящей в ней династией Оппенгеймеров. Где выход? «Я надеюсь на лучшее», — мысленно повторяет делец. И с какой-то мистической верой в то, что еще «все образуется», призывает власти Претории и Солсбери проявлять «гибкость» и не доводить дела до взрыва, сылет комплименты в адрес «последней миссии» американской дипломатии. А вдруг сработают формулы «частичных шагов», навязываемые Вашингто-

ном? Ведь идея создания марионеточных африканских режимов в Родезии, Намибии и в так называемых бангустанах в ЮАР, сотрудничающих с южноафриканским и западным империализмом, — это слегка модифицированная теория «государства меритократии», которую давно проповедует «бриллиантовый» Гарри.

Только все это пустые хлопоты. Их тщетность временами с беспощадной ясностью осознает сам делец: А тут еще не клеятся дела семейные. Когда размениваешь восьмой десяток, невольно все чаще задумываешься о проблемах «престолонаследия». Глядя на то, как сын Николаас повесничал в студенческие годы, пропадая в злых местах лондонского Сохо, глава ААК лишь вздыхал, но не терял надежд «на лучшее». Едва Ники обзавелся дипломом, как папаша поспешил вызвать его поближе к себе, в Южную Африку, где сделал членом правлений нескольких семейных компаний и фирм. Увы, отъезды «дядек», которых «бриллиантовый» Гарри приставил смотреть за великовозрастным чадом, были неутешительны: Ники не проявлял решительно никаких способностей к профессии бизнесмена.

Оставалось уповать на дочь Мери. Ее брак с Гордоном Уодделлом, подающим надежды отпрыском известного английского биржевого маклера, казалось, предопределил вопрос о том, в чьи руки перейдет скипетр алмазно-золотой империи. Гарри Оппенгеймер души не чаял в зяте, у которого обнаружился недожинный административный дар. Не в пример Ники, который только числился в правлении ААК, но не был обременен какими-либо конкретными обязанностями, Гордон Уодделл стал одним из директоров «Англо-Америкен», ему доверялось выполнение самых ответственных поручений главы корпорации.

И вдруг — скандал. Едва успев порадовать отца двумя внуками, сумасбродная Мери вдруг объявляет, что расторгает союз с Уодделлом и выходит замуж за своего тренера по верховой езде, некоего Билла Джонсона. Громкий бракоразводный процесс, споры между бывшими супругами о судьбе детей... Случается, что дурные новости сыплются со всех сторон. В такие мгновения «бриллиантовый» Гарри как-то сникает, на его обычно оживленном лице отчетливо проступает печать прожитых лет. Нарушая свой привычный рабочий ритм, он наскоро от-

дает распоряжения ближайшим помощникам и покидает резиденцию на Мейн-стрит, 44. Его путь лежит в «Брентхарст». Только здесь, среди породистых рысаков, выращенных на его конеферме, он, по его признанию, находит истинное отдохновение и обретает душевный покой.

Иногда, чтобы получить полное удовольствие, глава «Англо-Америкен корпорейшн» отправляется на скачки в Дурбан, где с азартом следит за тем, как бегут и побеждают его, Гарри Оппенгеймера, рысаки. Задумывается ли он в эти минуты о том, что на скачках, как и во всем остальном в жизни, выпадают не только выигрыши? Тем более что развитие событий в ЮАР настоятельно подсказывает: близится день, когда «белая» Южная Африка, одним из столпов которой является «бриллиантовый» Гарри со своей империей, проиграет последний, решающий «заезд».

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
НАХОДКА НА ФЕРМЕ ФЮРИЦЗИХТ	5
РОЖДЕНИЕ КОРПОРАЦИИ	9
«НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ» НА ТРОНЕ	15
ГЛОБАЛЬНЫЙ БИЗНЕС	20
В «ЗОЛОТОМ АДУ» ВИТВАТЕРСРАНДА	24
НЕМНОГО ИСТОРИИ	31
АНАТОМИЯ РАСИСТСКОГО РЕЖИМА	34
БУМЕРАНГ «ЦВЕТНОГО БАРЬЕРА»	41
СОТВОРЕНИЕ И КРАХ ЧИТТАГАНЬИ	45
ДЛЯ КОГО ОТКРЫВАЮТСЯ ИОГАННЕСБУРГСКИЕ СЕЯФЫ?	50
МЕЦЕНАТ «СОЮЗА НЕЧЕСТИВЫХ»	54
ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ЗАЕЗДОМ	58

Бутлицкий А. В.
Б93 «Бриллиантовый» Гарри. М., Политиздат,
1978.

62 с. (Владыки капиталист. мира).

Его не случайно называют «королем алмазов» и одним из самых богатейших людей на земле. Огромная горнорудная империя Гарри Фредерика Опенгеймера, паразитирующая на Африканском континенте, держит в своих руках свыше трети добычи золота и 80 процентов добычи и сбыта алмазов в капиталистическом мире. Автор брошюры — журналист-международник — раскрывает, каким путем семья Опенгеймеров создавала свои несметные богатства. Жесточайшая эксплуатация африканских рабочих, связи с бывшими диктаторами Чомбе и Салазаром, покровительство со стороны расистских режимов Форстера и Смита — вот далеко не полный перечень методов, которые позволяют Опенгеймерам обогащаться на Африканском континенте.

Памфлет адресован широким кругам читателей.

Б 11105—141
079(02)—78 189—78

33И

Аркадий Вениаминович Бутлицкий
«БРИЛЛИАНТОВЫЙ» ГАРРИ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Н. В. Медова*
Младший редактор *В. В. Голоднов*
Художник *Г. Ш. Басыров*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *О. М. Семенова*

ИБ № 476

Сдано в набор 02.02.78. Подписано в печать 14.04.78. А00663.
Формат 84 × 108²/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36.
Учтно-изд. л. 3,24. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2527.
Цена 15 коп.

Полянтидаг. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.